

Библіот. журнала „Игрушечка“

М. А. Орловъ.

ТОМЪ XIV

ВЪ ПУСТЫНѢ

Съ 19 рис. на отдѣл. стр.
и въ текстѣ

1-я премія журнала „Игрушечка“

Открыта подписка на 1900 г.
на Дѣтскій
иллюстрированный журналъ
„Игрушечка"
21-й годъ изданія
При журналѣ особый
отдѣлъ
„Для малютокъ"
Журналъ даетъ двѣ преміи: одна изъ нихъ 6 том. „Библ. журн. Игрушечка"
Подписная цѣна:
съ одной преміей (6 т.) съ дост. и пер. . . . . 3 р.
съ отд. „Для Малютокъ" и 2 преміями . . . . . 5 „
съ „На помощь матерямъ". 7 „
СПБ., Гончарная, 10
Редакторъ-Издательница
А. Н. Пѣшкова-Толивѣрова.

БИБЛІОТЕЧКА ЖУРНАЛА „ИГРУШЕЧКА“.

Томъ XIV

ВЪ ПУСТЫНѢ.

Съ 19 рис. на отдѣльныхъ стран. и въ текстѣ.

СОСТАВИЛЪ

М. А. ОРЛОВЪ.

1-я премія журнала „Игрушечка“.

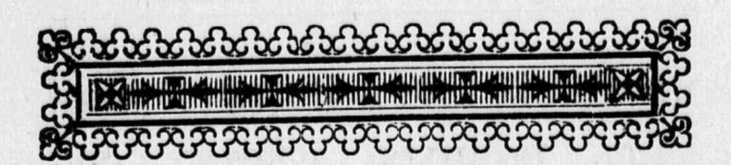
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1899.

Дозволено ценз. СПБ., 26 ноября 1899 г.

Типогр. Министр. Путей Сообщ.
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°),
Фонтанка, 117.

Въ пустынѣ.

ГЛАВА I.

Что такое пустыня. — Гдѣ находится **самая** большая пустыня на землѣ, Сахара. — Какова эта пустыня на видъ, ея пески, горы.

Земля, на которой мы живемъ, по наружному своему виду, очень неодинакова, разнообразна. Всякій, кому случалось сдѣлать куда-нибудь хоть

*

маленькую поѣздку, видалъ ровныя мѣста, совсѣмъ голыя, на которыхъ нѣтъ ни деревьевъ, ни травъ; видалъ поля, луга, нивы, покрытыя хлѣбными растеніями, кустарники, рощи, лѣса; видалъ также и неровныя мѣста, холмы, долины, овраги, горы; видалъ воду, то въ видѣ маленькихъ ручейковъ, то въ видѣ рѣкъ, озеръ, морей.

Но все это касается только одного наружнаго

вида земли. А разница не въ немъ одномъ; разныя мѣстности отличаются одна отъ другой еще своею погодою — вѣтрами, дождями, жарами и стужами. Есть мѣста, гдѣ снѣга никогда не видывали и вовсе не знаютъ, что̀ такое снѣгъ; и наоборотъ, есть мѣста, гдѣ снѣгъ и ледъ никогда не таютъ и гдѣ почти круглый годъ стоитъ лютая стужа.

И для каждаго, кто любитъ знаніе, старается

узнать какъ можно больше обо всемъ, очень любопытно, разумѣется, почитать и о землѣ, на которой онъ живетъ. Но для того, чтобы разсказать о всей землѣ, во всемъ ея разнообразіи, надо написать очень большую книгу. Въ такой же маленькой книжечкѣ, какъ эта, можно разсказать только о чемъ нибудь одномъ; мы и разскажемъ здѣсь о пустыняхъ, которыя находятся

въ разныхъ мѣстахъ на нашей землѣ.

Слово „пустыня“ — вполнѣ понятное слово. Ясное дѣло, что пустынею называется пустое мѣсто, большое пространство земли, на которомъ людямъ нельзя вовсе, либо очень трудно жить по разнымъ причинамъ. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, огромнѣйшій пустырь, который тянется во всѣ стороны на сотни верстъ; на немъ ничего не растетъ;

нѣтъ травъ, чтобы прокормить скотъ, нельзя сѣять хлѣбъ, чтобы кормиться самому человѣку; ни трава, ни хлѣбъ не растутъ, потому что земля безплодна, камень, либо песокъ; не можетъ расти и лѣсъ, значитъ, не изъ чего строить и жилище, а главное не изъ чего развести огонь, чтобы готовить пищу; наконецъ, нѣтъ даже воды, а безъ нея невозможно прожить и дня ни чело-

вѣку, ни животному. Вотъ такая-то мѣстность и будетъ настоящая пустыня. Такіе пустыри есть на землѣ и мѣстами тянутся на тысячи верстъ. У насъ въ Россіи тоже есть такія безплодныя земли, но у насъ ихъ меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, они не такъ велики и при огромномъ запасѣ нашихъ земель, пока еще не причиняютъ большихъ неудобствъ; они намъ не досаждаютъ, а будутъ до-

саждать нашимъ потомкамъ черезъ много лѣтъ, когда всѣ удобныя земли будутъ заняты и волей-неволей придется приняться и за разработку пустырей, чтобы народу было гдѣ разводить хлѣбъ и пасти скотъ.

Самая большая и самая страшная пустыня лежитъ очень далеко за предѣлами нашей Россіи. Для того, чтобы до нея добраться, напримѣръ, хоть изъ Петербурга, надо бы-

ло бы ѣхать все прямо въ ту сторону, гдѣ солнце бываетъ въ полдень, на югъ. Мы проѣхали бы всю Россію, а по ней по одной надо ѣхать три тысячи верстъ. Потомъ мы перебрались бы черезъ Черное море, за нимъ переѣхали бы поперекъ большой области, гдѣ живутъ турки и очутились бы на берегу другого огромнаго моря, Средиземнаго; его такъ назвали древніе греки, потому

что оно со всѣхъ сторонъ замкнуто землями, гдѣ жили древніе народы. Это море имѣетъ болѣе пятисотъ верстъ въ ширину, почти столько, сколько отъ Петербурга до Москвы. За этимъ моремъ лежитъ берегъ огромнѣйшей страны, Африки; это та самая земля, гдѣ живутъ арабы и негры, гдѣ водятся слоны, страусы, крокодилы, откуда къ намъ привозятъ вкусные плоды — финики, бананы, драго-

цѣнное черное дерево, слоновую кость.

Тотъ берегъ Африки, который примыкаетъ къ Средиземному морю, весь населенъ народомъ; земля тутъ, по большей части, плодородная; на ней растутъ хлѣба, деревья, цѣлые лѣса. Тутъ тянется по всему берегу длинный рядъ древнихъ и новыхъ большихъ городовъ, дѣятельные жители которыхъ ведутъ обширную торговлю по всему Средиземно-

му морю. Въ прибрежныхъ мѣстностяхъ тянутся кряжи высокихъ горъ. Но полоса плодородной земли и населенныхъ народомъ мѣстъ здѣсь не широка. За послѣдними уступами горныхъ кряжей почва понемногу бѣднѣетъ, становится каменистой, песчаной. Мало-по-малу песокъ беретъ верхъ надъ плодородною землею, и вотъ, наконецъ, начинается пустыня, самая большая какая только

существуетъ на землѣ. Тамошніе жители, арабы, называютъ эту песчаную пустыню *Сахра*; это арабское слово мы, русскіе, и другіе народы — нѣмцы, французы, англичане передѣлали по своему и вышла изъ него *Сахара*; такъ эта пустыня теперь и называется на всѣхъ языкахъ.

Сахара тянется въ длину на пять тысячъ, а въ ширину на тысячу верстъ. Она такъ велика, что на

ней было бы легко размѣстить тѣ земли, въ которыхъ живутъ французы, нѣмцы и англичане; Англія, Франція и Германія, если ихъ взять вмѣстѣ, будутъ меньше Сахары. Она тянется почти черезъ всю Африку; съ одной стороны она доходитъ до того моря, которое окружаетъ Африку со стороны солнечнаго заката, а въ другую сторону, то есть на восходъ, она тянется до самаго Египта.

Арабы называютъ Сахару моремъ песка. Въ самомъ дѣлѣ пустыня эта напоминаетъ море. И въ ней и въ морѣ та же безпредѣльная ширь и просторъ, та же гладь, уходящая во всѣ стороны до самой черты, которая отдѣляетъ землю отъ неба. Что въ морѣ вода, то въ пустынѣ песокъ. Вода движется, колышется отъ вѣтра, вздымается волнами; песокъ тоже поднимается вѣтромъ, перено-

сится съ мѣста на мѣсто, и ложится рядами и буграми, похожими на волны. Песокъ подвиженъ, какъ и вода, и въ Сахарѣ любопытно наблюдать, что дѣлаетъ вѣтеръ съ этимъ зыбкимъ и летучимъ веществомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лежитъ Сахара, дуютъ постоянные вѣтры, такіе, которые почти не мѣняютъ своего направленія. Поднимая песокъ, эти вѣтры гонятъ его все въ одну сторону;

на пути его полета ложатся изъ него огромные бугры, холмы, чуть не цѣлыя горы; мѣстами песокъ все ближе да ближе наносится къ окраинамъ пустыни, къ плодороднымъ мѣстамъ и начинаетъ засыпать ихъ. Бороться съ этимъ наноснымъ пескомъ невозможно; онъ въ союзѣ съ вѣтромъ дѣлаетъ свое дѣло — шагъ за шагомъ покрываетъ поля, луга, рощи. Растительность отъ него гибнетъ, почва ста-

новится отъ его примѣси безплодною и такимъ путемъ на глазахъ жителей происходитъ превращеніе ихъ полей въ песчаные пустыри. Къ сторонѣ моря, на западной окраинѣ пустыни вѣтрами нагнало такія высокія горы, что ихъ далеко видно съ кораблей, плывущихъ по морю. Песокъ заноситъ въ самое море и оно отъ этого понемногу такъ мелѣетъ, что люди уходятъ по водѣ за нѣсколько верстъ отъ бе-

рега. Случается, что зоркіе глаза мѣстнаго жителя араба увидятъ что нибудь далеко въ морѣ, напримѣръ, носящіяся по водѣ остатки судна, погибшаго въ морѣ отъ бури; арабъ, не колеблясь, прямо бредетъ по водѣ и вылавливаетъ эти дары моря; онъ знаетъ, что не утонетъ, потому что вѣтеръ нагналъ изъ пустыни въ море столько песку, что въ немъ стало воды всего по колѣно.

Песокъ пустыни не одинаковъ во всѣхъ ея частяхъ. Мѣстами онъ очень крупенъ, его отдѣльныя зерна не меньше горошинки; такой песокъ, конечно, не можетъ далеко летѣть по вѣтру. Въ этой части пустыни люди легко могутъ путешествовать; идти не очень трудно, потому что нога не тонетъ въ пескѣ. Широкая ступня верблюда твердо становится на эту песчаную почву, песокъ не раздает-

ся подъ ней и верблюдъ легко и свободно идетъ впередъ своею дорогою. Но, къ сожалѣнію, далеко не вездѣ такъ; мѣстами на сотни верстъ тянется равнина, вся покрытая мелкимъ золотисто-желтымъ пескомъ, въ которомъ нога человѣка тонетъ иногда чуть не до колѣна; тутъ грузнетъ въ песокъ и широкая верблюжья стопа и путь черезъ эти части пустыни чрезвычайно тяжелъ. Но

о переходахъ черезъ пустыню мы еще скажемъ послѣ, когда поведемъ рѣчь о караванахъ.

Въ одномъ мѣстѣ, въ той части Сахары, которая ближе къ морю, есть огромное песчаное пространство, настоящее песчаное море, верстъ въ пятьсотъ въ длину и почти такой же ширины. Песокъ отъ вѣтра располагается на немъ правильными рядами валовъ, похожихъ на волны моря. Мы уже го-

ворили объ этихъ передвиженіяхъ песка по пустынѣ; добавимъ теперь, что эти передвиженія мѣстами идутъ все въ одну сторону, такъ что выходитъ какъ будто вся пустыня понемногу движется въ эту сторону, потому что песокъ постепенно заноситъ мѣстности, которыя раньше были плодородными; въ другихъ мѣстахъ, гдѣ постоянные вѣтры дуютъ попеременно, полгода въ одну сто-

рону, а полгода какъ разъ наоборотъ, выходитъ очень любопытная вещь; сначала горы песка наносятся въ одну мѣстность, а потомъ, когда вѣтеръ перемѣнится на обратный, онъ эти же горы песка перенесетъ обратно въ тѣ мѣста, откуда ихъ нанесло.

Эта работа вѣтра нарушаетъ ровность пустыни; гдѣ песокъ, тамъ вѣтеръ сбиваетъ его въ валы, холмы; мы уже говорили о томъ, что въ запад-

ной части Сахары эти горы далеко видны съ моря. Но Сахара и безъ того не вездѣ ровна; кромѣ песчаныхъ горъ на ней попадаются горы каменныя. Эти горы мѣстами высятся на версту и больше надъ уровнемъ пустыни. Въ самой серединѣ Сахары есть горная цѣпь, которую арабы называютъ Ахагаръ. Эти горы такъ высоки, что на нихъ даже бываетъ снѣгъ; а во всей Сахарѣ, на низ-

кихъ ея мѣстахъ, никогда не выпадаетъ ни снѣжинки. Но надо объяснить, съ какой стати появляется снѣгъ на этихъ горахъ. Дѣло тутъ вотъ въ чемъ. Вездѣ и всюду на землѣ замѣчено, что чѣмъ выше поднимаемся мы на воздухъ, тѣмъ становится холоднѣе. Вы, конечно, читали или слышали о воздушныхъ шарахъ и о томъ, что люди на нихъ поднимаются высоко надъ землею, на четыре, пять,

шесть верстъ и выше. Эти воздухоплаватели, какъ ихъ называютъ, всѣ замѣчали, что чѣмъ выше они поднимаются, тѣмъ холоднѣе становится въ воздухѣ. Случается, что воздушный шаръ поднимется съ земли въ жаркій день, а вверху, на высотѣ четырехъ, пяти верстъ, у воздухоплавателей, какъ говорится, зубъ на зубъ не попадаетъ отъ холода. То же самое, конечно, должно быть и на горахъ; чѣмъ выше

горы, тѣмъ холоднѣе бываетъ на ихъ вершинахъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что повсюду встрѣчаются высокія горы, на вершинахъ которыхъ такъ холодно, что снѣгъ тамъ никогда не таетъ, даже въ самое жаркое лѣто. Такъ и на горахъ Ахагаръ; здѣсь хоть и не круглый годъ, а только въ самое холодное время, снѣгъ не таетъ, а остается на вершинахъ; съ наступленіемъ жаркаго

времени онъ таетъ и вода, въ которую онъ обращается, бурными потоками низвергается съ горъ на равнину Сахары. Но эти потоки быстро впитываются песками и потомъ пересыхаетъ отъ жары.

Въ той части Сахары, которая ближе къ Египту, очень часто попадаются возвышенныя каменистыя или глинистыя площади, либо горы, то сѣроватаго, то желтоватаго цвѣта. Но и здѣсь не мало песковъ;

ихъ здѣсь, какъ и всюду, вѣтеръ перегоняетъ съ мѣста на мѣсто и громоздитъ изъ нихъ цѣлые ряды холмовъ. На каменистыхъ площадяхъ въ иныхъ мѣстахъ попадаются широкія трещины, разсѣлины; вѣтеръ, нанося сюда песокъ засыпаетъ имъ эти разсѣлины, такъ что ихъ становится не видно. Это очень опасныя мѣста. Песокъ тутъ очень мелокъ, лежитъ рыхло и если случается, что путникъ, не

знающій этихъ мѣстъ попадетъ въ такую рытвину, занесенную пескомъ, то онъ тонетъ въ этомъ пескѣ и легко можетъ случиться, что ему оттуда и не выбраться, и онъ гибнетъ.

ГЛАВА II.

Климатъ Сахары. — Жара и сушь. — Въ Сахарѣ нѣтъ весны, осени и зимы, а одно лѣто. — Пустынность Сахары зависитъ отъ безводья. — Какой видъ имѣютъ въ ней мѣста, гдѣ есть вода. — Оазисы и что въ нихъ растетъ. — Артезіанскіе колодцы.

Теперь посмотримъ, каковъ климатъ этой огромной пустыни. Климатомъ называютъ весь оборотъ погоды въ теченіе цѣлаго года. Жара и холодъ, сушь и сырость, вѣтры, грозы, дожди, снѣгъ — все это

взятое вмѣстѣ называется климатомъ страны. Климатъ Сахары сухой и жаркій; суше и жарче Сахары нѣтъ другого мѣста на всей землѣ; жара тамъ стоитъ такая, о которой мы у себя на родинѣ не имѣемъ и понятія. У насъ лѣтомъ бываютъ страшно жаркіе, знойные дни, когда люди такъ разслабѣваютъ отъ духоты, что еле могутъ двигаться. Вы слыхали, вѣроятно, о градусахъ, которыми мѣ-

*

ряютъ жаръ и холодъ и видали тѣ снаряды, градусники, которые показываютъ мѣру тепла или холода. У насъ лѣтомъ, если говорятъ: „сегодня тридцать градусовъ“, — то это уже считается сильною жарою; тридцать пять, сорокъ градусовъ — это ужъ такой зной, который случается, быть можетъ, одинъ — два раза за все лѣто, да и то лишь въ немногихъ, особенно жаркихъ мѣстахъ. Въ Сахарѣ

же такія жары — самая обыкновенная вещь; тамъ они стоятъ изо-дня въ день цѣлыми мѣсяцами. Притомъ, намъ всегда есть гдѣ укрыться отъ прямого солнечнаго припека: у насъ есть бесѣдки, жилища съ прохладными комнатами, сады. Въ открытой пустынѣ ничего этого нѣтъ. Обыкновенно солнце тамъ восходитъ около шести часовъ утра на совершенно открытомъ небѣ, среди котораго не

видно ни единаго облачка. Раскаленный огнистый кругъ поднимается по небу не полого слѣва направо, какъ у насъ, а почти прямо кверху, отвѣсно. У насъ въ полдень солнце стоитъ хотя и высоко, но все же нѣсколько вкось, въ Сахарѣ же въ полдень оно стоитъ прямо надъ головою, такъ что отъ человѣка почти не видать тѣни; она вся подъ нимъ. Въ это время раскаляется все кругомъ; песокъ или

камень подъ ногами становится такъ горячъ, что на немъ трудно держать руку; о черные, напр., желѣзные предметы можно даже обжечь руку; страшно нагрѣвается одежда, особенно темнаго цвѣта, и усиливаетъ и безъ того невыносимый жаръ; раскаляется самый воздухъ до такой степени, что пересыхаетъ во рту и въ горлѣ. Становится тяжело дышать, томитъ безпрестанная палящая жажда.

При такой жарѣ мы истомились бы до нездоровья даже въ нашихъ тѣнистыхъ садахъ; поэтому, можете себѣ представить, какъ должны страдать люди и животныя въ открытой пустынѣ.

У насъ есть еще и другое спасенье отъ жары — это дождь. Онъ освѣжаетъ воздухъ, охлаждаетъ его, послѣ дождя становится легче, въ воздухѣ распространяется пріятная сырость. Въ Сахарѣ и

этого нѣтъ. Тамъ почти вовсе не бываетъ дождя. Сахара закрыта повсюду со стороны моря высокими горами; облака поднимаются съ моря и идутъ въ сторону пустыни, но по дорогѣ встрѣчаютъ эти горы и на нихъ проливаютъ благодѣтельный дождь; и прежде чѣмъ они, дойдутъ до Сахары они успѣваютъ вылить изъ себя всю влагу и разсѣяться. Поэтому-то въ Сахарѣ, особенно въ ея внутреннихъ частяхъ, не

только не бываетъ дождя, но почти никогда не видно и облаковъ, не бываетъ пасмурно. Ясное дѣло, что отъ этого вѣчно яснаго неба, отъ этой вѣчной суши жара становится еще гораздо тягостнѣе, мучительнѣе. Словомъ — жара и сушь нестерпимая — вотъ главные признаки климата Сахары.

Эта раскаленная пустыня лежитъ въ той полосѣ земли, гдѣ зимы совсѣмъ не бываетъ. Правда, въ

наши зимніе мѣсяцы, въ декабрѣ и январѣ, тамъ погода нѣсколько прохладнѣе, но все же жара стоитъ такая, какая у насъ стоитъ только въ іюнѣ да въ іюлѣ. У насъ четыре времени года — весна, лѣто, осень и зима. Въ Сахарѣ одно только сплошное время — лѣто, сухое, знойное, палящее.

Укажемъ еще на одну особенность въ климатѣ Сахары, которой нѣтъ въ нашихъ мѣстахъ. У насъ

послѣ жаркаго дня бываетъ иногда прохладная ночь, но рѣдко; чаще бываетъ такъ, что и ночью продолжается духота и даже становится тягостнѣе чѣмъ днемъ, потому что мѣшаетъ спать. Въ Сахарѣ никогда не бываетъ не только душныхъ, но даже теплыхъ ночей. Какъ только солнце закатывается, тотчасъ начинается чувствительный холодокъ. Черезъ часъ послѣ заката уже нѣтъ возможно-

сти оставаться на воздухѣ безъ верхней теплой одежды, надо непремѣнно во что-нибудь завернуться, иначе пройметъ самая непріятная дрожь. Мѣстные жители всегда разводятъ на ночь костры, если есть подъ руками хоть что-нибудь, что можно сжечь. Наступаетъ, наконецъ, ночь, ясная, звѣздная и страшно холодная, очень напоминающая нашу зиму; это сходство сахарской ночи съ нашею зимой до-

полняется еще тѣмъ, что вода въ мелкихъ лужицахъ и водоемахъ часто замерзаетъ. И эта смѣна жары и холода въ пустынѣ наступаетъ ужасно быстро. Послѣ ночи, во время которой мерзнетъ вода, день наступаетъ сразу какъ только солнце выкатится на небо; а такъ какъ оно идетъ прямо снизу вверхъ, а не вкось, какъ у насъ, то тамъ не бываетъ нашихъ красивыхъ утреннихъ и вечернихъ зорь. Вы, вѣ-

роятно, сами замѣчали что у насъ самыя длинныя сумерки и разсвѣты бываютъ весною, осенью и зимою, когда солнышко катится по небу по низкой и пологой дугѣ не высоко надъ горизонтомъ, т. е. тѣмъ кругомъ, гдѣ земля сходится съ небомъ. Лѣтомъ, когда путь солнца выше и круче, разсвѣтъ и вечернія сумерки бываютъ короче. Въ Сахарѣ же солнце идетъ по самой крутой дугѣ, которая почти

что перерѣзываетъ пополамъ весь небесный сводъ. Поэтому день тамъ наступаетъ сразу, почти безъ зари; какъ только солнце выступитъ изъ-за черты горизонта, тотчасъ же и наступаетъ яркій день, и тотчасъ вмѣстѣ съ ночною тьмою исчезаетъ и холодъ. Вечеромъ солнце опять-таки сразу и круто закатывается, словно падаетъ прямо съ неба за черту горизонта, и тотчасъ вслѣдъ за его закатомъ

тухнетъ яркій дневной свѣтъ и исчезаетъ удушающая дневная жара. Этотъ переходъ отъ палящаго зноя къ ледяному холоду такъ рѣзокъ и скоръ, что иногда его не выдерживаютъ даже камни; иной разъ какой-нибудь темный камень страшно накаливается за день отъ солнца, а ночью, когда его вдругъ охватитъ морозомъ, онъ раскалывается; съ нимъ происходитъ то же самое, что со стекляннымъ ста-

каномъ, который сначала наполнили кипяткомъ, а потомъ вылили кипятокъ и быстро влили въ него холодной воды.

Теперь мы можемъ отдать себѣ отчетъ — почему вся эта громадная земля, эта Сахара, стала пустынею. Главная причина этого — недостатокъ въ ней воды. Ея почву не орошаютъ благодатные дожди, на ней не осаждается влажность отъ тающихъ снѣговъ. А гдѣ нѣтъ

воды, тамъ всякая почва всегда будетъ безплодною. Если бы кому - нибудь вздумалось посѣять что-нибудь въ Сахарѣ, бросить въ ея песчаную почву какія - нибудь сѣмена или посадить въ нее деревца, то эти сѣмена и деревца въ одинъ день изжарились бы въ раскаленномъ пескѣ и пропали бы. А гдѣ ничего не растетъ, тамъ не можетъ жить и никакое живое существо, ни червь, ни животное, ни человѣкъ;

*

имъ нечѣмъ тамъ питаться, а главное — нечѣмъ утолить жажду.

До какой степени велико значенiе воды въ жизни растенiй и животныхъ, это можно видѣть именно въ той же пустынной Сахарѣ. Дѣло въ томъ, что мѣстами изъ-подъ ея каменистой либо песчаной почвы пробиваются родники и ключи свѣжей холодной воды. Иногда такой ручеекъ бьетъ изъ какой-нибудь горы, лежащей среди этой

безплодной пустыни. Вода разливается, расплывается по окрестности и совершенно измѣняетъ видъ пустыни. Вся мѣстность, вся почва, напоенная этой живительной водой, перерождается словно по волшебству. Пустыня въ этомъ блаженномъ уголкѣ исчезаетъ, она превращается въ роскошнѣйшiй садъ, какой только можетъ вырости подъ тѣмъ благодатнымъ солнцемъ. Вы, безъ сомнѣнiя, знаете, что сила

растительности зависитъ отъ солнечнаго тепла. Чѣмъ теплѣе климатъ страны, тѣмъ разнообразнѣе и богаче въ ней растенія. У насъ въ Россіи, проѣзжая ее отъ отдаленной полуночной стороны до самаго крайняго полуденнаго предѣла, можно видѣть постепенную смѣну всякихъ климатовъ. На полуночной окраинѣ царствуетъ зима, тамъ снѣгъ лежитъ на землѣ по шести — семи мѣсяцевъ въ

году; лѣто короткое, теплое время стоитъ недолго, и потому, хотя воды тамъ много и почва напоена ею, но отъ недостатка тепла растительность тамъ очень бѣдна и однообразна; изъ хлѣбовъ растутъ только рожь да ячмень; изъ плодовыхъ растеній — только ягодные кусты. Но чѣмъ дальше отъ этой студеной полосы, тѣмъ зима становится короче, а лѣто длиннѣе, и это тотчасъ замѣтно отзы-

вается на растительности. На поляхъ начинаютъ появляться рядомъ съ рожью пшеница, гречиха, просо; появляются яблоки, груши, дыни, арбузы; еще дальше къ полудню, длинное жаркое лѣто позволяетъ выспѣвать винограду, абрикосамъ, персикамъ, грецкимъ орѣхамъ, разнымъ цѣннымъ древеснымъ породамъ. А за предѣлами нашей родины, еще дальше къ полудню, растенія становятся еще разнообраз-

нѣе и роскошнѣе. Можно себѣ представить, какъ благопріятно было бы жаркое лѣто Сахары для разведенія всевозможныхъ самыхъ дорóгихъ и нѣжныхъ плодовъ, если бы тамъ было много воды! Объ этомъ мы и можемъ судить по тѣмъ участкамъ пустыни, на которыхъ появляются родники и источники. Къ сожалѣнію, такихъ мѣстъ въ пустынѣ немного и они представляются только ничтожными

пятнышками на безконечной ея равнинѣ.

Эти островочки плодородной земли и цвѣтущей зелени посреди пустыни называются *оазисами*. Видъ оазиса среди раскаленной каменистой или песчаной пустыни въ высшей степени отраденъ. Благодаря жаркому климату страны, на этихъ участкахъ растутъ всевозможныя деревья, которыя у насъ можно разводить только въ теплицахъ. Оазисъ обык-

новенно издали, верстъ за десять, за двадцать можно различить по высокимъ и стройнымъ пальмамъ. Вы знаете, что пальмы чаще всего растутъ однимъ высокимъ тонкимъ стволомъ, у котораго только на самой верхушкѣ развертывается пукъ большихъ красивыхъ листьевъ. Въ Сахарѣ растутъ разныя породы этихъ деревьевъ, но самое цѣнное изъ нихъ — это финиковая пальма, та самая, которая

приноситъ всѣмъ извѣстные финики—сладкія красныя ягоды съ твердою косточкою.

Финиковая пальма настоящее сахарское дерево, здѣсь, вѣроятно и было ея настоящее отечество, и отсюда она появилась повсюду, гдѣ только она можетъ расти. Надо замѣтить, что самые лучшіе финики идутъ къ намъ именно изъ самой глубины Сахары, изъ оазисовъ, которые лежатъ далеко въ

серединѣ пустыни. Стволъ этой пальмы бываетъ обыкновенно въ пять — семь саженъ высоты и потому то его такъ далеко видно на ровной площади пустыни. Старыя деревья иногда сильно разростаются въ толщину; встрѣчаются стволы по аршину и больше въ поперечникѣ. Листья собраны на вершинѣ голаго ствола въ видѣ громадной густой зеленой шапки. Эта купа листвы иной разъ простирается

на двѣ, на три сажени въ стороны, такъ что изъ нея выходитъ густой навѣсъ сажени четыре въ поперечникѣ, дающій благодатную тѣнь отъ палящихъ лучей солнца. Отдѣльные листья пальмы громадны; они тянутся прямо отъ ствола и держатся на немъ, а не на вѣтвяхъ. Каждый листъ по виду похожъ на зеленое перо, длиною въ четыре, пять, шесть аршинъ. Финики выростаютъ на длин-

ныхъ гибкихъ вѣтвяхъ; эти вѣтви на концахъ расходятся на множество болѣе тонкихъ вѣточекъ, и каждая такая вѣточка вся сплошь усѣяна плодами; если взглянуть на вершину пальмы снизу во время созрѣванія плодовъ, то можно видѣть на ней десятка два громаднѣйшихъ гроздъ или пучковъ, въ видѣ шаровъ, которые состоятъ изъ плотно скученныхъ яркокрасныхъ плодовъ.

Въ Сахарѣ превосходными плодами финиковой пальмы питаются и люди и домашнія животныя — лошади, верблюды, даже собаки; на всѣхъ ихъ хватаетъ, потому что родятся они въ изобиліи. Финиковая пальма для жителя пустыни едва ли не дороже, чѣмъ рожь для нашего крестьянина. Арабы, жители оазисовъ, пользуются не только плодами, но и древесиною пальмы; она идетъ у нихъ на то-

пливо и на постройки и на подѣлки. Она такъ необходима въ этой пустынѣ, что если бы она вдругъ оттуда исчезла, то въ Сахарѣ нельзя было бы жить, пришлось бы либо бросить ее совсѣмъ и выселиться въ другія мѣста, либо совсѣмъ измѣнить весь порядокъ жизни.

Кромѣ финиковой пальмы въ оазисахъ растутъ другія цѣнныя плодовыя деревья — абрикосы, персики, гранаты, апельсины,

виноградъ. Всѣ они даютъ громадные урожаи плодовъ. Жители оазиса такъ дорожатъ каждымъ клочкомъ этой плодородной почвы, что даже свои жилища строятъ на окраинѣ оазиса, на самой границѣ пустыни, чтобы не занимать подъ ними мѣста, которое можно пустить подъ воздѣлываніе растеній. Если есть возможность, то сѣютъ и хлѣбъ —пшеницу, кукурузу, ячмень; хлѣбъ вызрѣваетъ

быстро и даетъ огромные урожаи даже съ малаго клочка земли.

Оазисъ издали манитъ путника, ѣдущаго черезъ пустыню; онъ кажется ему настоящимъ раемъ посреди этой раскаленной песчаной области. Онъ знаетъ, что найдетъ тамъ воду — эту драгоцѣннѣйшую жидкость, которую человѣкъ только и научается какъ слѣдуетъ цѣнить тамъ, гдѣ ее нѣтъ. Утоливъ мучительную жажду онъ от-

дохнетъ въ тѣни деревьевъ, подкрѣпитъ силы сладкими, сочными плодами. Онъ проведетъ въ оазисѣ нѣсколько вполнѣ блаженныхъ часовъ. Но жить въ оазисѣ постоянно — совсѣмъ не такое блаженство, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Эти мѣста очень нездоровыя, а почему они нездоровы, это вы сейчасъ узнаете.

Жители оазиса стараются какъ можно лучше

воспользоваться водою того источника, около котораго расположенъ оазисъ. Если дать водѣ течь какъ прійдется, то она оросить землю только по своему теченью, по узкой полоскѣ земли. А для того, чтобы она оросила какъ можно больше земли, надо прорыть множество канавокъ; по нимъ вода и потечетъ во всѣ стороны и изъ канавокъ ее можно отводить куда надо, напримѣръ, къ отдѣльнымъ деревьямъ и

кустамъ, къ грядамъ, на которыхъ посажены разныя растенія. Отъ страшной жары вода въ этихъ канавкахъ загниваетъ, а такъ какъ канавки перекрещиваются по всѣмъ направленіямъ, покрываютъ всю площадь оазиса, то и выходитъ, что черезъ эти канавки весь оазисъ обращается въ сплошное гнилое болото. А жить посреди этой вѣчной гнили, конечно, не здорово. Болотныя испаренія причиняютъ тя-

желыя лихорадки. Мѣстные жители, которые въ этихъ оазисахъ родились и выросли, конечно, по немногу привыкаютъ, хотя и они часто хвораютъ; но человѣку чужому, пришлому, приходится очень тяжко; многіе изъ такихъ непривычныхъ сразу заболѣваютъ болотной лихорадкой и не могутъ отъ нее избавиться никакими средствами; она сплошь и рядомъ сводитъ ихъ въ могилу. Давно, давно, еще

до Рождества Христова въ эти оазисы ссылали преступниковъ, зная, что они, какъ люди непривывные, долго тамъ не выживутъ.

Жители оазисовъ хотя и стараются пользоваться водою какъ можно лучше, проводя ее во всѣ уголки оазиса, но все же не умѣютъ дѣлать этого какъ слѣдуетъ и много воды у нихъ пропадаетъ даромъ. Они только направляютъ воду по канавкамъ прямо изъ источника, а между

тѣмъ, по настоящему, слѣдовало бы устраивать просторные водоемы, пруды. Тутъ вода собиралась бы въ огромномъ количествѣ и въ одномъ мѣстѣ, а отсюда уже было бы легче проводить ее куда надо и сколько надо.

Появленіе воды гдѣ бы то ни было въ этой пустынѣ, тотчасъ, какъ по волшебству измѣняетъ весь ея видъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ на границѣ Сахары, по берегу Среди-

земнаго моря утвердились французы; область, которую они заняли называется Алжиріею. Какъ народъ образованный и дѣятельный, французы тотчасъ увидѣли, что все благополучіе мѣстнаго населенія зависитъ отъ воды. Алжирія тянется отъ моря вглубь страны и занимаетъ очень значительную часть Сахары. Жители ютились по оазисамъ, которые разсѣяны крошечными клочками по пустынѣ. Надо

было во что бы то ни стало позаботиться о томъ, чтобы добыть воду. Вы знаете, что во многихъ мѣстахъ воду можно достать изъ-подъ земли, вырывъ въ ней колодецъ. Но въ сухихъ и безплодныхъ мѣстахъ рыть колодцы очень трудная задача, потому что приходится копать землю до глубины десяти, двадцати, даже пятидесяти саженъ и еще больше. Притомъ же, если даже удастся добраться до воды,

то каково доставать ее съ глубины пятидесяти саженъ. Арабы въ пустынѣ давно уже понадѣлали колодцевъ и воду изъ нихъ достаютъ огромными ведрами, которыя, конечно, не подъ силу поднимать людямъ съ такой глубины. Обыкновенно дѣлаютъ такъ. Опускаютъ ведро на веревкѣ въ глубь колодца и когда оно зачерпнетъ воду, тогда конецъ веревки обвязываютъ около шеи верблюда и ведутъ

его отъ колодца; онъ своею силою и вытягиваетъ ведро съ водою. Но сообразите сами, сколько тратится времени при такомъ черпаніи воды съ большой глубины.

Французы начали рыть колодцы иначе. Земля сверлится особымъ буравомъ, который уходитъ въ глубь на десятки и даже сотни саженъ. На такой глубинѣ во многихъ мѣстахъ можно встрѣтить огромные подземные водо-

емы, изъ которыхъ вода сама поднимается кверху по той трубѣ, которая выдолблена землянымъ буравомъ. Часто случается, что вода не только поднимется до поверхности земли, а даже начинаетъ бить вверхъ могучимъ фонтаномъ, поднимаясь на пять, на десять саженъ надъ землею. Такіе колодцы называются *артезіанскими*. Вотъ эти-то колодцы и вырыты были французами въ алжирской Са-

харѣ во многихъ мѣстахъ. Вода изъ нихъ собирается въ огромные, выложенные камнемъ водоемы, и отсюда жители берутъ ее для домашнихъ нуждъ и для поливки деревьевъ и полей. Теперь тамъ сдѣлано около двухсотъ такихъ колодцевъ, такъ что вышло столько же новыхъ оазисовъ, на которыхъ теперь посажено нѣсколько сотенъ тысячъ финиковыхъ пальмъ. Если бы приняться за сверленіе та-

кихъ колодцевъ по всей пустынѣ, то можно было бы по немногу превратить большую часть Сахары въ цвѣтущій садъ. Но этого скоро сдѣлать нельзя; артезіанскіе колодцы сверлятся очень медленно, требуютъ долгаго труда и обходятся очень дорого, по двадцати, тридцати тысячъ руб. каждый. Особенно же дорого они обходятся въ глухой пустынѣ, гдѣ надо все доставать извнѣ: инструменты, рабочихъ, мастеровъ, весь запасъ пищи для нихъ, палатки для жилья, вообще сдѣлать въ пустынѣ временную стоянку, гдѣ бы люди могли спокойно работать, ни въ чемъ не нуждаясь, не испытывая большихъ непріятностей, лишеній, болѣзней.

Если бы прорыть въ пустынѣ много колодцевъ, покрыть ее всю цѣлою сѣтью оазисовъ, то, вѣроятно, измѣнился бы весь ея климатъ. Вода ис-

парялась бы изъ всѣхъ водоемовъ, пары поднимались бы въ воздухъ, изъ нихъ бы стали собираться облака, тучи, въ пустынѣ стали бы падать дожди; воздухъ потерялъ бы свою теперешнюю убійственную сухость, жара стала бы не такъ ощутительна, и пустынная теперь Сахара начала бы заселяться народомъ. Между отдѣльными оазисами провели бы дороги и страна сдѣлалась бы такою же обитаемою

областью, какъ всѣ тѣ земли, которыя окружаютъ теперь Сахару со всѣхъ сторонъ. Но до этого благополучія пока еще далеко.

---

*

ГЛАВА III.

Жители Сахары — арабы, туареги. — Что это за люди, какъ живутъ, чѣмъ занимаются. — Главные друзья жителей пустыни — верблюдъ и конь.

Мы уже упоминали объ обитателяхъ Сахары, арабахъ. Познакомимся теперь съ ними поближе. Посмотримъ, что это за народъ, какъ онъ живетъ.

Арабы, народъ разсѣянный по всей Сахарѣ и по всѣмъ прилегающимъ

къ ней мѣстностямъ. Настоящіе арабы живутъ не въ Сахарѣ, а въ Аравіи, въ странѣ, которая лежитъ за Египтомъ. Въ Сахарѣ же разсѣяно множество разныхъ племенъ и народцевъ, родственныхъ съ арабами и говорящихъ съ ними однимъ языкомъ. Сами себя они называютъ не арабами, а разными именами по своимъ родоначальникамъ, т. е. по имени тѣхъ древнихъ предковъ, отъ которыхъ каж-

дое племя ведетъ свой родъ. Но несмотря на эту путаницу именъ, все населеніе Сахары представляетъ въ сущности одно племя, арабское.

Арабы очень статный, чаще всего сухощавый народъ, высокаго роста; они сильны, проворны, ловки, отличные наѣздники. Отъ палящаго зноя Сахары лица ихъ и вообще открытыя части тѣла, очень смуглы, почти черны. Но тѣло ихъ бѣлое, а не чер-

Рис. 1. Палатки арабовъ въ пустынѣ.

ное, какъ у негровъ, ихъ сосѣдей, которые живутъ въ другихъ частяхъ Африки. Притомъ же отъ негровъ они рѣзко отличаются и чертами лица. У негра короткіе курчавые, какъ шерсть, волосы, расплющенный носъ, громадныя толстыя губы, бороды и усовъ почти вовсе нѣтъ. У араба волоса на головѣ тоньше и длиннѣе, носъ тонкій, длинный, острый, часто горбатый, ротъ и губы умѣренной величины,

большая борода и усы. По лицу арабы часто напоминаютъ нашихъ евреевъ, только отъ загара всегда смуглѣе ихъ. Женщины негритянки очень безобразны, арабки же часто бываютъ очень хороши собой.

Одежда араба состоитъ изъ просторнаго плаща, чаще всего совершенно бѣлаго. Голову онъ тоже укутываетъ бѣлымъ, чтобы защитить ее отъ палящаго зноя. Если ходить съ не-

покрытой головой по такому зною, какой стоитъ въ Сахарѣ, то могутъ начаться сильныя головныя боли и часто напекаетъ голову до того, что человѣкъ лишается чувства, падаетъ какъ пораженный громомъ и даже умираетъ. Такіе случаи бываютъ сплошь и рядомъ въ жаркихъ странахъ и называются солнечнымъ ударомъ.

Арабы живутъ семьями, а семьи обыкновенно стоятъ подъ властью старшаго че-

ловѣка въ ихъ родѣ, какого-нибудь дѣда или прадѣда, у котораго поженились всѣ его сыновья, внуки и который живетъ, окруженный всѣми этими своими дѣтьми и дѣтьми своихъ дѣтей. Всѣ они разводятъ скотъ — лошадей, верблюдовъ, козъ, овецъ, воздѣлываютъ землю оазисовъ, выращиваютъ на ней пшеницу, кукурузу, разныя плодовыя деревья, пальмы. За деревьями и пальмами уходъ очень

простъ; надо только поливать ихъ, чтобы не засохли отъ зноя, да собирать съ нихъ плоды, когда поспѣютъ.

Къ югу отъ Алжиріи почти по всей Сахарѣ живутъ небольшими кучками *туареги*. Это тѣ же арабы, но только уже настоящіе жители пустыни. Они рыщутъ по ней на своихъ могучихъ бѣговыхъ одногорбыхъ верблюдахъ, знаютъ въ ней каждый пригорокъ, каждый тощій кус-

тикъ и потому служатъ самыми надежными и незамѣнимыми проводниками черезъ Сахару. Въ противоположность другимъ арабскимъ племенамъ туареги въ своей одеждѣ придерживаются темныхъ цвѣтовъ, чернаго, синяго, хотя видъ одежды у нихъ такой же, какъ у другихъ арабовъ. Они только усвоили привычку почти совсѣмъ закрывать лицо, такъ что изъ-подъ покрышки виднѣются одни ихъ жгучіе

черные глаза. Многіе думаютъ, что они закрываются для того, чтобъ скрыть черты лица, чтобъ ихъ не узнали; на это у нихъ и могла бы быть причина, потому что эти туареги извѣстные разбойники и грабители. Но закрываться для этого они не стали бы. Они хозяева въ пустынѣ, и совершивъ грабежъ, всегда съумѣютъ тотчасъ же умчаться прочь на своихъ быстроногихъ верблюдахъ. Закрываются же они просто

для того, чтобы хоть отчасти защитить глаза, страдающіе отъ нестерпимаго, яркаго блеска, который идетъ отъ желтыхъ песковъ пустыни. Мы уже упоминали о томъ, что мѣстами песокъ пустыни почти совершенно бѣлъ, слегка лишь желтоватъ; частицы, крупинки его бываютъ часто граненыя, съ гладкими и блестящими гранями, которыя сверкаютъ на солнцѣ, какъ зеркало. Само собою разумѣется,

что тысячи лучей свѣта, идущихъ отъ этихъ зеркальныхъ зернышекъ, совершенно невыносимы для глаза, слѣпятъ его, раздражаютъ. Вотъ почему туарегъ и закрываетъ себѣ лицо и завѣшиваетъ глаза. Да еще кромѣ того весь воздухъ пустыни наполненъ мельчайшими частицами пыли, которая тоже досаждаетъ путнику. Она взлетаетъ отъ малѣйшаго дуновенья вѣтерка, поднимается изъ-подъ ногъ коня

и верблюда и лѣзетъ въ глаза, въ носъ, въ ротъ. Покрышка хотя и не вполнѣ, но все же хоть отчасти защищаетъ человѣка отъ этихъ непріятностей, и туареги, народъ изъ рода въ родъ живущій въ пустынѣ, давно уже приняли эту привычку и держатся за нее крѣпко.

Туареги считаются страшными грабителями и разбойниками; многіе думаютъ про нихъ, что они только этимъ и живутъ, ничѣмъ

другимъ не занимаются. Ихъ одежда, пища, ихъ верблюды, все ихъ имущество, — все это, будто бы, добывается или разбоемъ или грабежомъ. Они нападаютъ на караванъ съ товарами, убиваютъ людей, грабятъ товары, съѣстные припасы; нападаютъ на деревни на границахъ пустыни, на оазисы. Все это отчасти справедливо. Туареги, какъ говорится, не зѣваютъ, своего не упустятъ. На землѣ, впрочемъ,

есть не мало такихъ племенъ, живущихъ однимъ грабежомъ и разбоями. Но все же туареги не могутъ считаться именно такимъ племенемъ. Ихъ главное занятіе не разбои, а караванная служба.

Караваномъ, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, называется тотъ поѣздъ изъ верблюдовъ, на которомъ по пустынѣ перевозятъ товаръ и путешествуютъ люди. Итти по пустынѣ, не зная дороги, это зна-

чить обрекать себя на большія опасности, а нерѣдко и на смерть. Мы дальше еще будемъ подробно говорить о караванахъ, теперь же указываемъ только на то, что по пустынѣ совершенно необходимъ опытный проводникъ, и вотъ за это-то дѣло и берутся туареги, которымъ пустыня вся извѣстна вдоль и поперекъ. Имъ за это, конечно, очень хорошо платятъ, и вотъ этимъ-то они главнымъ обра-

зомъ и живутъ. Случается, что они напрашиваются въ проводники, а имъ отказываютъ, потому что взяли другихъ; тогда можетъ случиться, что они изъ мести за то, что имъ отказали, нападутъ на этотъ караванъ и разграбятъ его. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ по Сахарѣ ѣздили инженеры; они осматривали мѣстность, разузнавая, нельзя ли провести черезъ нее желѣзную дорогу. Туареги узна-

ли объ этомъ и очень встревожились. Они поняли, что какъ только будетъ проведена желѣзная дорога, тотчасъ же всѣ товары и всѣ путешественники кинутся на нее, и каравановъ больше не будетъ, потому что кто же поѣдетъ по пустынѣ на верблюжьей спинѣ, когда можетъ съ удобствомъ и главное гораздо скорѣе и безопаснѣе проѣхать въ вагонѣ желѣзной дороги. Тогда туареги рѣшили, что

имъ надо помѣшать постройкѣ этой дороги, которая грозила отбить отъ нихъ хлѣбъ; они стали нападать на инженеровъ, считая ихъ главными виновниками грозящей имъ бѣды, и въ то время многіе изъ этихъ ученыхъ погибли въ пустынѣ.

Посмотримъ теперь, какія животныя водятся въ этой огромной пустынѣ. Само собою разумѣется, что въ тѣхъ особенно безотрадныхъ мѣстностяхъ

пустыни, гдѣ нѣтъ ровно ничего, кромѣ песка и камня, гдѣ на сотни верстъ кругомъ не найти даже ни единой былинки полыни, ни одного изъ тѣхъ кустарниковъ, которые какъ-то ухитряются расти почти на сухомъ пескѣ,— тамъ не можетъ жить и никакое животное, потому что тамъ оно умерло бы съ голода; нѣтъ ни одного живого существа которое было бы сыто пескомъ или воздухомъ. Жизнь вообще

возможна только въ тѣхъ частяхъ пустыни, гдѣ хоть что-нибудь растетъ. Въ Сахарѣ все-таки иногда попадаются такія мѣстности, гдѣ виднѣются тощіе, сухіе кустики и такія же сухія травы, вродѣ нашей полыни. Ни одно изъ нашихъ животныхъ не могло бы довольствоваться такимъ пастбищемъ, но въ Сахарѣ верблюды и газели охотно ѣдятъ листву съ этихъ колючихъ кустовъ и тощіе стебли этихъ полы-

ней. Обычный кустарникъ пустыни—это мимоза. Это низкорослое растеньице приходится сродни нашей акціи; ихъ много разныхъ породъ, есть между ними колючіе и безъ колючекъ. Верблюдъ, впрочемъ, нисколько не стѣсняется никакими колючками и преспокойно пережевываетъ ихъ. Вотъ въ этихъ-то мѣстахъ, гдѣ все-таки хоть что-нибудь да растетъ, и живутъ настоящіе обитатели пустыни, такія жи-

Рис. 2. Одногорбые верблюды, дромадеры.

вотныя, которыя въ пустынѣ родятся, растутъ, живутъ, питаются, которыя видимо любятъ пустыню, привыкли къ ней, сжились съ нею, и не промѣняютъ ее на другое мѣсто.

Во главѣ животныхъ пустыни мы должны поставить верблюда. Не даромъ же арабы называютъ его „Кораблемъ пустыни".

Верблюдъ вообще не изъ красивыхъ животныхъ; мать природа ничѣмъ его

не изукрасила. У него длинная, некрасиво изогнутая шея, слишкомъ маленькая голова, уродливое туловище съ огромною горбатою спиною, длинныя нескладныя ноги, короткій, лохматый хвостъ. Шерсть на немъ длинная, взъерошенная, тусклаго цвѣта. Но все же и по наружности можно отличить верблюда, настоящаго уроженца пустыни, отъ того, который взрощенъ въ населенныхъ мѣстахъ. Вер-

блюдъ - пустынникъ гораздо стройнѣе, бодрѣе, сильнѣе на видъ; верблюдъ же населенныхъ мѣстностей вялое, неуклюжее животное, сонливое, словно разслабленное. А между тѣмъ, казалось бы, должно быть наоборотъ; верблюдъ пустыни питается кое-какъ, ѣстъ то, чего не станетъ ѣсть никакое другое животное и долженъ бы былъ захирѣть отъ одной этой скудной пищи; другой же и ѣстъ вволю

и пользуется уходомъ, заботами человѣка. А это-то и доказываетъ, что верблюдъ настоящее животное пустыни, что въ ней только ему и хорошо.

Верблюдовъ считается двѣ главныхъ породы— одногорбый и двугорбый. У перваго спина высится надъ тѣломъ однимъ большимъ бугромъ, а у другого—двумя буграми; эти бугры и называются горбами. Одногорбый, или иначе *дромадеръ*, живетъ въ Аф-

рикѣ, двугорбый—у насъ, въ Киргизской степи и вообще внѣ Африки; впрочемъ, у киргизовъ и другихъ инородцевъ встрѣчаются и одногорбые верблюды, хотя и рѣдко. Мы здѣсь будемъ, конечно, говорить собственно объ африканскомъ одногорбомъ верблюдѣ, дромадерѣ.

Верблюдъ довольно крупное животное, гораздо крупнѣе самой большой нашей лошади. Длина его тѣла отъ носа до конца хвоста

—больше четырехъ аршинъ, а вышина—три аршина слишкомъ. Шерсть на немъ чаще всего бываетъ желтовато-сѣраго, песочнаго цвѣта—настоящаго цвѣта пустыни; впрочемъ, попадаются дромадеры бурые, даже черные. Арабы, великіе знатоки въ верблюдахъ, лучшими считаютъ песочныхъ, а черныхъ ни во что не ставятъ. Молоденькіе верблюжата далеко не такъ неуклюжи, какъ старые, по-

тому что горбы и всѣ вообще уродливости тѣла появляются понемногу, съ возрастомъ. Растутъ они очень быстро, какъ и лошади. По второму году ихъ уже берутъ въ дальніе переходы и они бѣгутъ за своими матерями, какъ наши жеребятки за своими. На третьемъ году молодого верблюда пріучаютъ къ сѣдлу и вьюку, а четырехлѣтніе уже считаются совсѣмъ взрослыми и несутъ всѣ обычныя

верблюжьи труды и работы.

Верблюдъ, какъ и лошадь, питается исключительно травою, листомъ, вообще разными частями растеній. На пищу онъ совсѣмъ не разборчивъ, да и какой бы онъ былъ житель пустыни, еслибы прихотничалъ въ выборѣ пищи! Ему случается цѣлыми недѣлями не ѣсть ничего другого, кромѣ сухихъ и жесткихъ стеблей, степной полыни, да вѣтокъ колю-

чей мимозы, и — ничего, онъ остается живъ, здоровъ, бодръ и силенъ. Мѣстные жители дѣлаютъ себѣ корзины и рогожки изъ расщепленныхъ черешковъ листьевъ финиковой пальмы; когда этакая рогожка или корзина износится, ее, конечно, выбрасываютъ, а верблюды подбираютъ ее и ѣдятъ. Мѣстами тамошніе жители строятъ себѣ для жилья шалаши изъ тонкихъ хворостинокъ, оплетенныхъ тра-

вой; верблюды, если хозяева не досмотрятъ за ними, часто принимаются растрепывать эти шалашы и ѣсть ихъ, такъ что для защиты своихъ жилищъ хозяева обсаживаютъ ихъ изгородями изъ колючихъ кустарниковъ. Верблюдъ ѣстъ, впрочемъ, когда больше ничего нѣтъ, и эти колючки, и надо только подивиться, какъ онъ не изранитъ и не издеретъ себѣ ими языка и рта. У насъ въ киргизской

степи растетъ страшно колючая трава; ея стебли усажены иглами, длиною съ булавку; этой травы нѣтъ возможности сжать въ рукѣ, потому что иглы тотчасъ вонзятся въ тѣло; а верблюды ѣдятъ ее. Въ Сахарѣ сплошь и рядомъ случается видѣть, какъ верблюдъ заберетъ въ ротъ цѣлую вѣтку мимозы, сплошь усаженную шипами, и жуетъ ее какъ ни въ чемъ не бывало; а между тѣмъ, если бы этою вѣткою толь-

ко слегка ударить человѣка по тѣлу, то онъ вскрикнулъ бы отъ боли; колючки мимозы такъ остры и тверды, что могутъ даже проколоть подошву сапога. Но нельзя сказать, конечно, чтобы верблюдъ особенно любилъ и явно избиралъ бы въ пищу только такія колючки, да сухіе сучья. Напротивъ, онъ гораздо охотнѣе ѣстъ зеленую, сочную траву или древесные листья. Къ полямъ съ хлѣ-

бомъ ихъ стараются и близко не подпускать, потому что они жадно накидываются тутъ на все, что растетъ — на пшеницу, кукурузу, бобы, горохъ; съ особенною жадностью пожираютъ всякія зерна; какъ наши лошади особенно любятъ овесъ и онъ считается для нихъ лучшею пищею, такъ и верблюды особенно лакомы до зерноваго корма. Кромѣ зерна они еще очень любятъ древесные листья.

Если верблюда выпустить на свободу гдѣ-нибудь на полѣ съ сочной травою, на которомъ растутъ деревья, то онъ навѣрное пойдетъ къ дереву и станетъ ѣсть листъ, а не траву.

Но мало того, что дромадеръ неприхотливъ и неразборчивъ на ѣду, онъ нечувствителенъ даже и къ голоду. Если нечего ѣсть, то онъ можетъ обходиться безъ всякой пищи цѣлыми днями и при этомъ

продолжаетъ работать, нести грузъ; онъ, видимо, не обезсилѣваетъ отъ недостатка корма. Впрочемъ, трудно даже сказать, сколько времени онъ можетъ обойтись совсѣмъ безъ пищи, не теряя силы; трудно это потому, что, какъ мы видѣли, онъ можетъ довольствоваться даже сухими прутьями. Такъ что тамъ, гдѣ другому животному буквально нечего ѣсть верблюдъ набьетъ себѣ животъ всякою дрянью — и доволенъ.

Другое дѣло вода. Воду нечѣмъ замѣнить. Вотъ тутъ-то, верблюдъ и проявляетъ свое самое драгоцѣнное качество. Онъ можетъ итти съ грузомъ цѣлый день по самой раскаленной пустынѣ, не выпивъ ни глотка воды. Людей въ это время томитъ такая жажда, что они пьютъ почти непрерывно и все таки никакъ не напьются. Верблюдъ же какъ будто и вовсе не томится жаждою. Пока есть сочная

пища, верблюдъ вовсе не пьетъ, хотя бы вода была у него подъ самымъ носомъ; онъ довольствуется тою влажностью, которая въ изобиліи содержится во всякомъ свѣжемъ зеленомъ кормѣ; извѣстно, что свѣжая зеленая трава и сочные листья деревьевъ содержатъ въ себѣ воды на три четверти ихъ вѣса, т. е. другими словами, если бы взять четыре фунта такого корма и отдѣлить въ немъ воду и все

сухое, то воды оказалось бы три фунта, а сухого остатка — одинъ фунтъ. На такомъ кормѣ верблюдъ живетъ цѣлыми недѣлями и въ водѣ въ это время не нуждается. Другое дѣло, если кормъ совсѣмъ сухъ и вдобавокъ стоитъ жара, зной. Тогда, конечно, и верблюдъ охотно пьетъ; но другія животныя и человѣкъ при этомъ страшно слабѣютъ, если воды нѣтъ, а верблюдъ можетъ оставаться

безъ воды по недѣлѣ. Извѣстенъ случай, когда сотня верблюдовъ шла съ грузомъ тринадцать дней подъ рядъ и все это время верблюды не видали ни капли воды, и, однакоже ни одинъ изъ нихъ не погибъ, всѣ дошли до мѣста и донесли кладь. Арабы утверждаютъ, что дромадеръ можетъ не пить двадцать дней подъ рядъ; но это едва ли вѣрно. Во всякомъ случаѣ безъ сочной пищи и безъ воды

онъ едва ли способенъ оставаться здоровымъ и сильнымъ больше недѣли. Но и это уже почти чудо, потому что никакое другое животное этого не вынесетъ. Конечно, тутъ нельзя сказать ничего навѣрное, все зависитъ отъ силы верблюдовъ, отъ погоды, отъ груза, отъ дороги. Опытные вожаки каравановъ приняли за правило, что лѣтомъ, въ самые сильные жары, надо ежедневно хоть разъ

кормить и поить верблюдовъ и каждые четыре дня давать имъ хорошо отдохнуть, тогда они могутъ дѣлать самые длинные переходы, на сотни верстъ.

Въ прежнее время ходили разсказы о томъ, что будто бы верблюдъ потому такъ долго можетъ терпѣть жажду, что онъ запасается водою, что она очень долго остается у него въ желудкѣ. Говорили тоже, что если пут-

ники въ пустынѣ ужъ очень страдаютъ отъ жажды, то закалываютъ, будто-бы своихъ верблюдовъ, вскрываютъ у нихъ желудки и тамъ всегда находятъ воду. Все это на повѣрку оказалось сказкою. Спрашивали объ этомъ самыхъ старыхъ опытныхъ арабовъ, всю жизнь водившихъ караваны и тѣ утверждали, что они никогда и не слыхивали ни о чемъ подобномъ.

Нельзя также утверждать, что верблюдъ не чувствуетъ жажды. Всякій, кто путешествовалъ по пустынямъ видалъ и знаетъ, что верблюды кидаются къ водѣ какъ только ее увидятъ и пьютъ съ жадностью, долго, такъ что у нихъ даже видимо раздувается отъ воды все туловище. Послѣ того вода долго плещетъ и хлюпаетъ у нихъ внутри, словно въ бочкахъ.

Верблюды изъ глубины

пустыни, какъ мы уже сказали, крѣпче и статнѣе тѣхъ, которые выращены въ плодородныхъ странахъ. Первые служатъ хорошими верховыми животными, вторые употребляются больше для перевозки грузовъ. Верблюдъ, по сравненію съ конемъ, сущій уродъ, и взглянувъ на него никакъ не подумаешь о томъ, чтобы онъ могъ быстро бѣжать. А между тѣмъ, напр., у туареговъ вер-

блюды служатъ вмѣсто коней. Ходъ у нихъ очень быстрый, да при томъ они неутомимы и могутъ за одинъ духъ, безъ остановки и отдыха, пробѣжать гораздо дольше, чѣмъ лошадь. Верблюдъ идетъ иноходью, т. е. шагаетъ сразу переднею и заднею ногою съ одной стороны тѣла; значитъ, выходитъ такъ, что одинъ шагъ онъ дѣлаетъ вынося сразу впередъ лѣвую переднюю и лѣвую же заднюю ногу,

а потомъ, другой шагъ дѣлаетъ правою переднею и правою же заднею. Лошадь шагаетъ въ перемежку; если она выноситъ впередъ, положимъ, сначала правую переднюю ногу, то потомъ, вслѣдъ за нею, шагаетъ лѣвою заднею, потомъ лѣвою переднею, потомъ правою заднею, въ перебой, въ разбивку.

Верблюдъ, когда идетъ тихимъ шагомъ, то выглядитъ очень невзрач-

нымъ; поступь у него неуклюжая, онъ сильно сгибаетъ шею, уродливо переваливается, мотаетъ головой взадъ-впередъ. Но когда онъ разойдется шибкою рысью, его фигура становится красивою. Рысь у него плавная и очень быстрая; на полномъ ходу за нимъ съ трудомъ поспѣетъ хорошая лошадь. Случалось, что верблюдъ не отдыхая пробѣгалъ болѣе ста семидесяти верстъ въ полдня, т. е. въ двѣ-

надцать часовъ; значитъ, бѣжалъ онъ со скоростью пятнадцати верстъ въ часъ. Хорошая лошадь можетъ проскакать двадцать верстъ въ часъ, но за то скакать такъ двѣнадцать часовъ подърядъ лошадь не въ состояніи; она задохнется и околѣетъ. Случалось, что пускали въ перегонку хорошую лошадь и дромадера. Лошадь сначала легко опережала верблюда, но очень скоро утомлялась

и отставала, а верблюдъ бѣжалъ да бѣжалъ безостановочно. Арабы убѣдились на дѣлѣ, что если бѣгового верблюда хорошо кормить и поить и давать ему отдыхать, то на немъ можно проѣхать пятьсотъ верстъ всего въ четыре и даже въ три дня. Замѣтимъ еще, что на верблюдѣ можно ѣхать только рысью; если онъ пустится вскачь, то на немъ не усидѣть самому искусному ѣздоку; онъ

непремѣнно свалится, а тотъ себѣ будетъ бѣжать впередъ, не обращая вниманія на сѣдока.

Само собою разумѣется, что дромадеры съ грузомъ идутъ гораздо тише. Считается, что съ грузомъ въ 9—10 пудовъ онъ идетъ по четыре версты въ часъ, но зато онъ идетъ безостановочно полдня, значитъ всего пройдетъ около 50 верстъ. Но иногда на верблюдовъ навьючиваютъ гораздо больше клади, до

20 пудовъ и еще больше. О томъ, какъ верблюдовъ вьючатъ, какъ съ ними обращаются въ дорогѣ, мы еще скажемъ, когда будемъ разсказывать о караванахъ.

А теперь пока скажемъ нѣсколько словъ о нравахъ верблюда. Словъ нѣтъ, верблюдъ въ пустынѣ животное безцѣнное по той пользѣ, какую онъ приноситъ. Но самъ по себѣ, если отложить въ сторону его пользу, онъ

животное несносное. Онъ страшно глупъ, угрюмъ, упрямъ, злобенъ и трусливъ. Арабы безъ него просто не могли бы жить, а между тѣмъ и ихъ онъ часто выводитъ изъ терпѣнія. Хуже всего то, что онъ никогда въ жизни не исполняетъ сразу и безпрекословно то, чего отъ него требуютъ; онъ противится своему вожаку на каждомъ шагу и не выказываетъ къ нему никогда ни малѣйшей привязан-

ности. Все, что его заставляютъ дѣлать — все это онъ исполняетъ не иначе, какъ по принужденiю, послѣ долгаго крика, понуканiй, ударовъ кнутомъ. Въ началѣ года, въ январѣ, февралѣ и мартѣ, верблюды становятся какъ-то особенно упрямы и страшно злы. Они ревутъ своимъ отвратительнымъ, клокочущимъ и стонущимъ голосомъ, кусаются, лягаются, дерутся между собою.

Въ это время къ нимъ страшно бываетъ подойти; многiе хозяева надѣваютъ на нихъ въ это время намордники, либо загоняютъ ихъ куда нибудь, въ огороженное мѣсто, пока они перебѣсятся и успокоятся.

Въ заключенiе упомянемъ еще о томъ, что мясо молодыхъ верблюжатъ очень вкусно и его охотно ѣдятъ мѣстные жители. На мясо убиваютъ чаще всего верблю-

жатъ черной масти, ко-

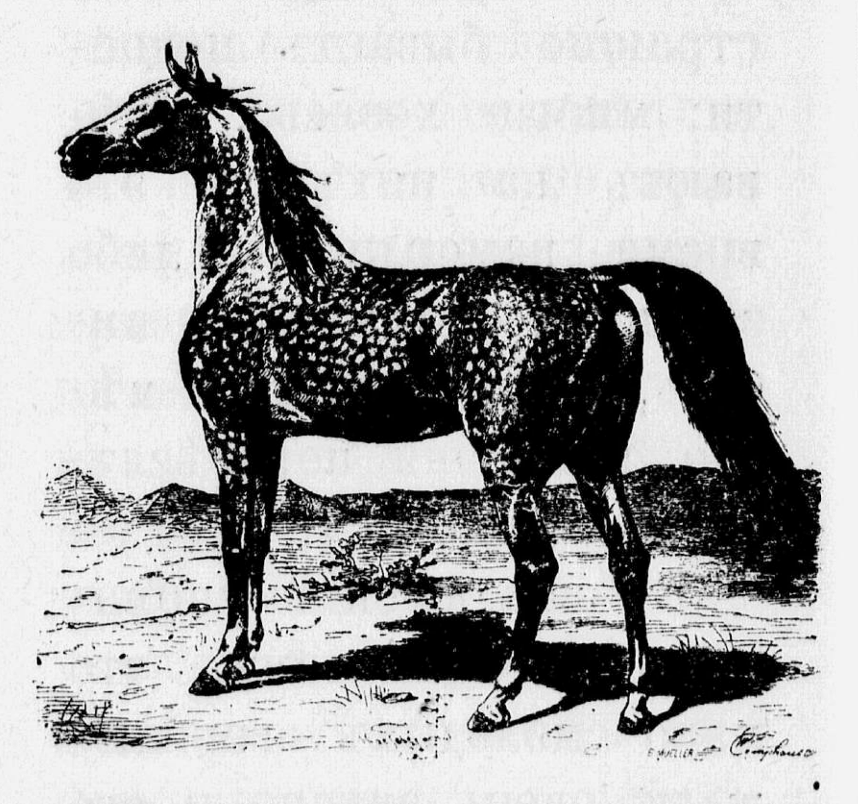

Рис. 3. Арабская лошадь.

торые считаются самыми плохими вьючными жи-

вотными. Верблюжьи кожи идутъ на покрышку шатровъ. Изъ шерсти прядутъ нитки, выдѣлываютъ сукно. Значитъ, вотъ сколько разной пользы извлекаютъ изъ этого животнаго.

Заговоривъ о верблюдѣ, нельзя не вспомнить и о другомъ благородномъ животномъ, которое несетъ труды въ пустынѣ—о лошади. Назвать лошадь животнымъ пустыни—нельзя; лошадь не можетъ быть

безъ сочнаго, зеленаго корма, зерна и воды, значитъ пустыня для нея мѣсто не подходящее; но ее привелъ сюда съ собою человѣкъ, житель пустыни, и она съ тѣхъ поръ осталась его неизмѣнною спутницею.

Лошадь, которую разводятъ въ Сахарѣ и на ея окраинахъ, принадлежитъ къ арабской породѣ. Вы, безъ сомнѣнія, слыхали, что эта порода самая лучшая, самая кра-

сивая изъ всѣхъ конскихъ породъ. Можно сказать, что на землѣ нѣтъ животнаго прекраснѣе арабской лошади. Мы не будемъ подробно описывать ее, потому что красивыхъ лошадей всякій видалъ. Мы скажемъ только, какими особыми хорошими свойствами обладаетъ эта порода, почему она такъ высоко цѣнится жителями пустыни. Арабская лошадь чрезвычайно вынослива и неутомима. Пробовали пу-

скать въ перегонку арабскаго коня съ англійскими скакунами; а эти скакуны считаются самыми быстрыми въ свѣтѣ. Скакунъ опережалъ арабскую на первыхъ двухъ-трехъ верстахъ; но потомъ онъ очень быстро уставалъ, сбавлялъ прыти, а затѣмъ и вовсе задыхался, останавливался, а арабская лошадь продолжала скачутъ какъ ни въ чемъ не бывало. Арабы часто мчатся на своихъ лошадяхъ во весь

духъ цѣлый мѣсяцъ, изо дня въ день; промчавшись нѣсколько верстъ, всадникъ останавливается ненадолго, даетъ коню передохнуть, а потомъ опять мчится дальше; во время такихъ переѣздовъ лошадь терпитъ и жару и ливни и вѣтеръ, ѣстъ кое-какъ и что придется, очень долго остается безъ воды, и все это переноситъ легко. Говорятъ, что въ самой Аравіи попадаются лошади, которыя пробѣгаютъ

*

по триста и даже по четыреста верстъ въ день; но если это и правда, то все же такія лошади большая рѣдкость.

Арабъ особенно цѣнитъ въ лошади ея умъ, понятливость, преданность хозяину, послушность; мы уже видѣли, что верблюдъ обладаетъ какъ разъ обратными качествами. Арабъ сравниваетъ между собою этихъ обоихъ своихъ ближайшихъ помощниковъ, и, конечно, всю свою привя-

занность отдаетъ лошади. Конь у араба все равно, что его дитя; онъ живетъ около хозяина и тотъ съ радостью дѣлитъ съ нимъ свою скудную пищу. Никакой конь другой породы не обладаетъ такою ровною и спокойною поступью; арабы говорятъ, что сидя на ихъ конѣ, можно на полномъ скаку выпить чашку кофе, не проливъ ни капли; это, конечно, только такъ говорится, но все же эти слова показываютъ, до ка-

кой степени арабъ цѣнитъ въ конѣ своемъ его спокойный ходъ.

ГЛАВА IV.

Дикія животныя пустыни: газель, левъ, леопардъ, шакалы, гіены. — Мелкія животныя: саранча, фаланги, скорпіоны, муравьи, змѣи гадюки, муха цеце.

Будемъ теперь продолжать нашъ разсказъ о настоящихъ животныхъ пустыни, ея коренныхъ обитателяхъ. Въ числѣ ихъ послѣ верблюда надо поставить *газель*.

Газель—это антилопа. Антилопами же называется

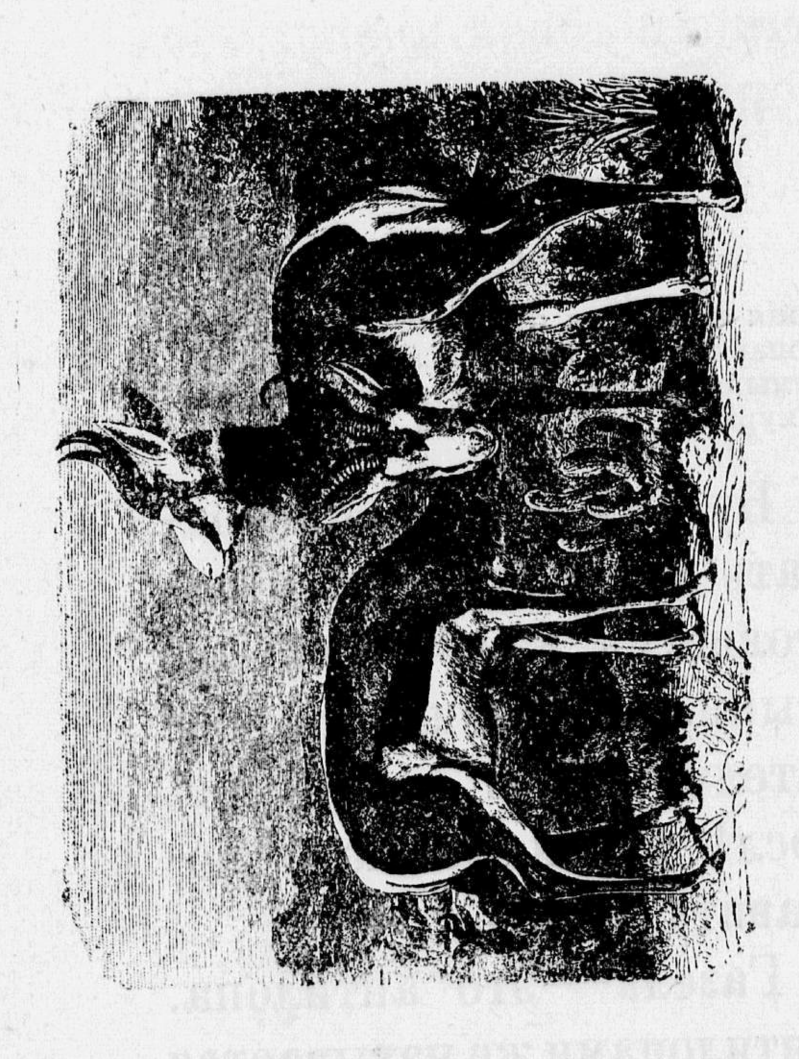

Рис. 4. Газели.

множество разныхъ породъ животныхъ, родственныхъ съ нашими козами и похожихъ на нихъ по общему виду и устройству тѣла. Подобно тому, какъ наши собаки бываютъ разной величины и наружнаго вида, такъ и антилопы бываютъ — большія и маленькія, разной окраски шерсти, разной наружности. У нихъ, какъ у нашихъ козъ, очень стройное сухощавое тѣло, тонкія, изящныя ноги, длинная

шея, большіе рога. Антилопы живутъ повсюду — въ лѣсахъ, на горахъ, въ степяхъ, въ открытыхъ пустыняхъ. Это животныя, питаются зеленью, травою, листьями деревьевъ. Какъ и всѣ подобныя травоядныя животныя, они очень мирны, кротки, слабы и беззащитны; у нихъ нѣтъ ни когтей, какъ у кошки, ни острыхъ страшныхъ зубовъ, какъ у собаки или волка. Они могутъ спасаться отъ врага

только бѣгствомъ; у нихъ, значитъ, вся надежда на ноги, на быстроту бѣга. И въ самомъ дѣлѣ, у всѣхъ антилопъ удивительныя ноги — высокія, стройныя, сухощавыя, жилистыя и крѣпкія; бѣгаютъ онѣ обыкновенно прыжками, съ страшною быстротою, такъ что за ними невозможно угнаться на самой лучшей лошади. А такъ какъ бѣжать всего легче на открытомъ мѣстѣ, то не удивительно, что антило-

пы охотнѣе всего держатся въ степяхъ и пустыняхъ. Онѣ цѣлый день пасутся на травѣ, а къ вечеру ходятъ на водопой, куда нибудь на ручей или родникъ или къ рѣкѣ. Многія породы антилопъ очень неприхотливы въ ѣдѣ, почти какъ верблюдъ. Онѣ могутъ питаться тощею травою пустыни или листьями мимозы. Такія породы, конечно, особенно охотно держатся въ Сахарѣ и на ея окраинахъ,

гдѣ уже начинаются травянистыя пространства.

Вотъ къ такимъ-то породамъ, любящимъ пустыню и живущимъ въ самыхъ глухихъ ея мѣстахъ, и принадлежитъ газель. Почти всѣ антилопы стройны и красивы, но газель лучше всѣхъ. Она не велика ростомъ, немного больше нашей козы; длина ея тѣла—аршина полтора, а высота меньше аршина. Тѣло у ней плотненькое, округлое; особую красоту

этому животному придаютъ его тоненькія, стройныя ноги, съ красивенькими копытцами, цѣльными какъ у лошадей. Шея у нихъ длинная, гибкая, головка похожа на козью, но гораздо красивѣе и безъ бороды, гладкая. Рога длиною съ голову слегка отогнуты назадъ; они очень острые и украшены ложбинками, вродѣ винта; газели ими, впрочемъ, не бодаются и не защищаются и пускаютъ ихъ въ ходъ

только когда подерутся между собою. Чрезвычайно красивы глаза газели — огромные, выпуклые, блестящіе; арабы, когда хотятъ выразить свое восхищеніе глазами человѣка, сранивают ихъ съ глазами газели. Цвѣтъ шерсти у ней песчаный; на спинѣ и на ногахъ она темнѣе, а животъ совершенно бѣлый. Все въ этомъ прелестномъ животномъ восхищаетъ глазъ человѣка и не удивительно, что

арабскіе стихотворцы усердно восхваляютъ ее въ своихъ звучныхъ пѣсняхъ.

Газель живетъ по всей Сахарѣ и притомъ именно въ глухихъ, отдаленныхъ ея мѣстахъ, гдѣ среди песковъ и камней пустыни попадаются мимозы. Газель очень любитъ листву этого деревца и питается ею охотнѣе, нежели травою. Плодородныхъ земель съ густою травою она явно избѣгаетъ. Это настоящій житель пустыни,

который въ ней родится, кормится, живетъ и умираетъ, никогда ея не покидая. Трудно даже указать другое животное, которое было бы такъ привязано къ пустынѣ, какъ газель. Живетъ она небольшими стадами, по двѣ, по три вмѣстѣ; иногда ихъ собирается кучка штукъ въ восемь, десять, иногда и больше. Чаще всего бродятъ вмѣстѣ отецъ, мать и дѣтенышъ. Газель не прячется, ее

очень легко видѣть, и всякій, кто бывалъ въ Сахарѣ, ужъ навѣрное видалъ газелей. Почти весь день она ходитъ около мимозъ и пощипываетъ ихъ листья; солнечный зной ее мало безпокоитъ. Только наѣвшись досыта она ложится ненадолго отдохнуть гдѣ нибудь въ тѣни той же своей любимой мимозы. На дальнемъ разстояніи непривычный глазъ не сразу различаетъ газель, потому что цвѣтъ ея шер-

сти очень подходитъ къ цвѣту песка пустыни и сливается съ нимъ, особенно, если животное стоитъ смирно, не движется. Саженъ за сто ее уже трудно разсмотрѣть пріѣзжему, не бывавшему въ пустынѣ, но арабы видятъ газелей часто за версту. Если газели спокойно лежатъ въ тѣни, подъ деревомъ, то ихъ часто не замѣчаетъ даже опытный охотникъ-арабъ; ихъ цвѣтъ такъ подходитъ къ почвѣ

*

пустыни, такъ съ ней сливается, что ихъ можно принять за глыбы земли или за камни. Газели, выбравъ мѣстечко въ пустынѣ, гдѣ нибудь около мимозовыхъ кустовъ, все время тамъ и пасутся, пока имъ не угрожаетъ никакая опасность. При малѣйшей же тревогѣ они вскакиваютъ и мчатся какъ стрѣлы; если газель пустилась бѣжать, то не стоитъ и гнаться за ней даже на великолѣпнѣйшей лошади; ее не догнать.

Если удастся поймать молоденькихъ газелей, то ихъ можно безъ всякаго труда приручать; онѣ совершенно привыкаютъ къ человѣку въ нѣсколько дней и потомъ живутъ въ домѣ какъ собаки, входятъ въ комнаты, выпрашиваютъ подачку, словомъ, становятся вполнѣ домашними животными. Въ Сахарѣ ихъ очень часто держатъ въ домахъ и любятъ. За дикими газелями усердно охотятся всѣ

жители пустыни; ихъ мясо очень вкусно.

Такимъ образомъ человѣкъ, который такъ восхищается газелью, самъ же первый и истребляетъ ее, является ея главнымъ врагомъ. Но у ней много другихъ враговъ; ее усердно выслѣживаютъ и питаются ея нѣжнымъ мясомъ крупные кровожадные звѣри — львы, леопарды; а маленькіе газелята существа слабенькія, безпомощныя, гибнутъ безъ сче-

та даже отъ мелкихъ хищниковъ, гіенъ, шакаловъ. Такимъ образомъ всѣ эти звѣри, охотники до газелей, появляются вслѣдъ за ними въ пустынѣ и намъ приходится сказать и о нихъ.

Льва называютъ царемъ звѣрей и царемъ пустыни. Первое названіе, пожалуй, къ нему подходитъ, при его силѣ и могуществѣ. Но царемъ пустыни его нельзя назвать; это даже не хозяинъ пустыни, а

Рис. 5. Левъ и львица.

скорѣе ея гость. Левъ живетъ по всей Африкѣ, а не въ одной только Сахарѣ, и совсѣмъ даже нельзя сказать, чтобы онъ особенно любилъ пустыню. Левъ животное хищное, то-есть такое, что питается свѣжимъ мясомъ убитыхъ имъ животныхъ. А такъ какъ и въ пустынѣ ему есть чѣмъ кормиться, то онъ не пренебрегаетъ и пустынею. Левъ ведетъ охоту на газелей и другихъ антилопъ, вообще на

всякихъ болѣе крупныхъ животныхъ; въ Сахарѣ онъ охотно держится около оазисовъ или деревевенекъ, гдѣ есть какой нибудь домашній скотъ. Сила его такъ громадна, что онъ можетъ однимъ ударомъ лапы свалить съ ногъ быка, потомъ схватить его въ зубы и перескочить съ нимъ черезъ изгородь скотнаго загона. На добычу онъ выходитъ чаще всего ночью, подъ утро. Въ это время и раз-

дается его страшный ревъ, рыканіе, котораго невольно пугаются даже люди, не знающіе, что это голосъ льва. Старые львы, которые начинаютъ слабѣть силами, таскаютъ болѣе мелкій скотъ; эти-то именно старые львы становятся опасны и для человѣка; быкъ ему уже не подъ силу, а человѣкъ, особенно женщина или ребенокъ, подъ силу. Поэтому арабы особенно боятся старыхъ львовъ. Дикихъ

животныхъ левъ подстерегаетъ на водопоѣ, засѣвъ куда нибудь въ укромное мѣсто. Намѣтивъ добычу, онъ мгновенно, однимъ прыжкомъ кидается на нее и убиваетъ ударомъ лапы; если добыча случайно ускользнетъ при первомъ натискѣ, то левъ никогда за ней не гонится. Такимъ образомъ левъ въ пустынѣ является всеобщимъ врагомъ—и для людей и для животныхъ, и потому люди съ оже-

сточеніемъ истребляютъ его. Въ Алжиріи среди французовъ очень много охотниковъ за львами; иные изъ нихъ убивали по десяти, по двадцати, даже по сотнѣ львовъ. Наружность льва не стоитъ описывать, потому что едвали кто нибудь изъ васъ не видалъ его на картинкахъ, а многіе его могли видѣть и живымъ въ звѣринцахъ; всѣмъ извѣстно также, что левъ близкій родственникъ нашей до-

машней кошки, одной породы съ нею.

Другое животное, тоже изъ кошекъ, иногда появляется въ Сахарѣ по окраинамъ ея и наноситъ столько же вреда какъ и левъ. Это животное—леопардъ. По наружности онъ еще гораздо больше похожъ на кошку, чѣмъ левъ. Это довольно большой звѣрь, длиною болѣе двухъ съ половиною аршинъ. Шерсть на немъ красновато - желтая, на

Рис. 6. Леопардъ.

спинѣ потемнѣе, на животѣ свѣтлѣе; все его тѣло покрыто большими черными пятнами, частью сплошными, частью кольчатыми. Шкура леопарда очень красива и изъ нея часто дѣлаютъ ковры для пола, либо приколачиваютъ на стѣны. Онъ еще меньше, чѣмъ левъ можетъ считаться коренным жителемъ пустыни; но онъ охотно заходитъ и туда, вообще рыщетъ всюду, гдѣ можетъ достать добычу. Онъ нападаетъ почти безъ

разбора на всякаго звѣря; особенно достается отъ него антилопамъ и мелкому домашнему скоту. Арабы боятся и ненавидятъ его; онъ хитеръ, кровожаденъ и страшно дерзокъ, такъ что часто забирается среди бѣлаго дня въ деревню и даже врывается въ хижины. Понятно, что мѣстные жители стараются истреблять такого опаснаго звѣря, напрягая всѣ силы въ борьбѣ съ нимъ.

Почти повсюду на границахъ пустыни водятся еще *шакалы* и *гіены*. Шакалъ звѣрь собачьей породы, а гіена что-то среднее между кошкой и собакой. Оба эти животныя, особенно же гіена — препротивныя существа, самой отталкивающей наружности. Оба по ночамъ надрываютъ душу своимъ рѣзкимъ, заунывнымъ вытьемъ. Оба страшно трусливы и прожорливы. Они нападаютъ на разныхъ

Рис. 7. Шакалъ.

мелкихъ животныхъ, на зайцевъ, которые водятся въ африканскихъ степяхъ, на маленькихъ, слабенькихъ газелятъ, на ягнятъ и барашковъ. Чаще же всего они довольствуются разною падалью, либо выкапываютъ на кладбищахъ трупы покойниковъ. Оба эти звѣря, особенно гіены, часто слѣдятъ за крупными хищными звѣрями, за львами, крадутся за ними, и терпѣливо караулятъ, не останется ли имъ чего ни-

Рис. 8. Гіены.

будь отъ обѣда царя пустыни. Случается, что убивъ крупное животное, напр. быка, левъ не доѣдаетъ его и уходитъ; гіены только этого и ждутъ, тотчасъ кидаются на остатки и съ жадностью пожираютъ ихъ до послѣдней косточки. Зубы у нихъ необычайно крѣпкіе, такъ что онѣ раздробляютъ ими и пережевываютъ самыя толстыя кости.

Но кромѣ этихъ крупныхъ звѣрей въ пустынѣ

живутъ или временно появляются въ ней еще разныя мелкія твари, которыя приносятъ человѣку много вреда и непріятностей. Такъ, напр., оазисы той части Сахары, которая ближе къ Средиземному морю часто опустошаются *саранчею*. Вы, конечно, слыхали о саранчѣ. Саранча — это большой кузнечикъ, величиною въ палецъ. Каждый такой кузнечикъ самъ по себѣ совсѣмъ ничтоженъ и без-

вреденъ; онъ не кусаетъ, не жалится и вообще не можетъ причинить человѣку ни вреда, ни непріятности. Но иногда саранча страшно размножается, появляется въ огромномъ числѣ, цѣлою тучею. Пока кузнечики еще молоды, они ползутъ, а потомъ, выросши, поднимаются на воздухъ и летятъ; очень часто случается, что туча саранчи тянется на версту и заслоняетъ солнечный свѣтъ какъ настоящая грозовая

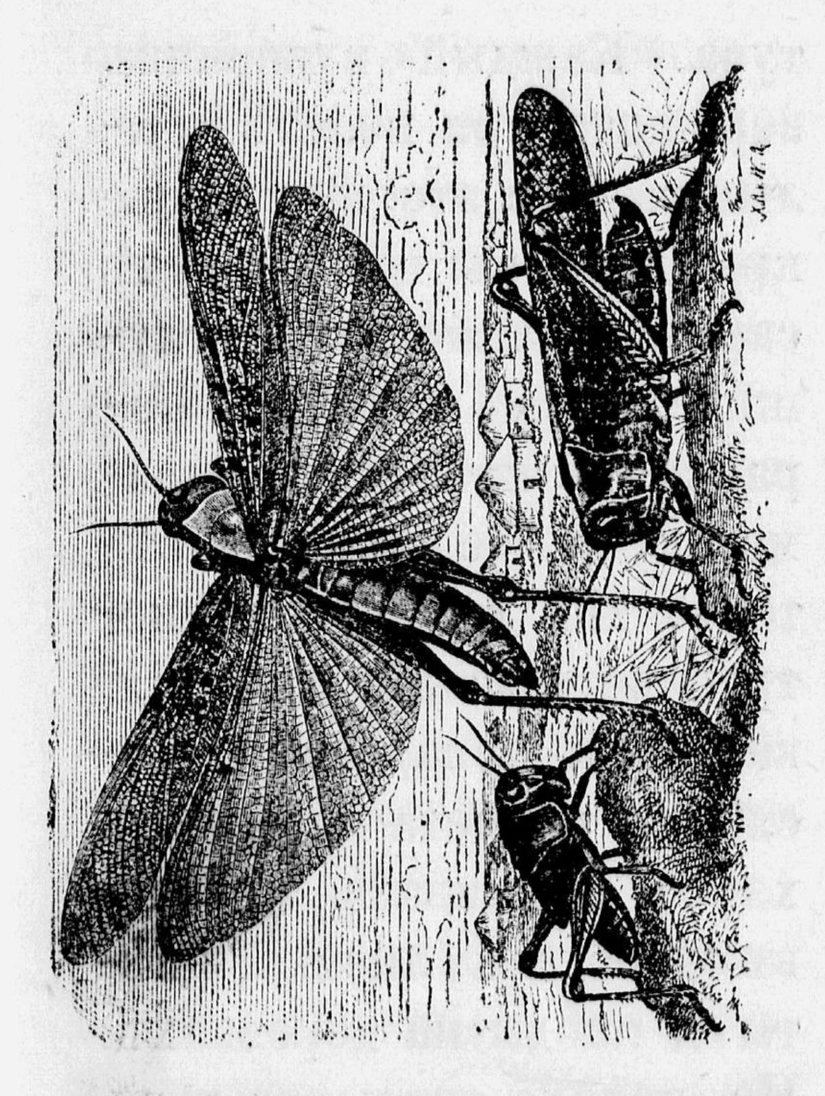

Рис. 9. Саранча.

туча. Каждый кузнечикъ верещитъ при полетѣ крылышками и это шуршанье крыльевъ въ цѣлой тучѣ саранчи становится оглушительнымъ шумомъ. Саранча летитъ всегда прямо, куда ее гонитъ вѣтеръ. По дорогѣ она истребляетъ всякія растенія, какія ей попадаются; послѣ ея пролета исчезаютъ хлѣба на нивахъ, овощи въ огородахъ, листья, цвѣты и плоды на деревьяхъ. На поляхъ остаются лишь

былинки и соломенки, деревья стоятъ голыя, какъ у насъ зимой. Такъ что налетъ саранчи считается страшнымъ бѣдствіемъ, которое грозитъ всѣмъ жителямъ голодомъ и разореньемъ; послѣ саранчи— нечего ѣсть ни скотинѣ, ни людямъ. Правда, жители Сахары и всей почти Африки ѣдятъ за то самою саранчу; они ловятъ ее, нагребаютъ цѣлые мѣшки, поджариваютъ и ѣдятъ, и увѣряютъ, что она очень

вкусна. Да и не одни люди кормятся ею; за тучею саранчи всегда двигается несмѣтная толпа птицъ, которыя отлично отъѣдаются ею. Особенно жестоко истребляетъ ее скворецъ розоваго цвѣта, который водится повсюду, гдѣ летаетъ саранча. Эта птичка не столько съѣдаетъ, сколько убиваетъ саранчи. Это самый надежный другъ и союзникъ человѣка въ его борьбѣ съ саранчею; мѣст-

ные жители знаютъ это и у нихъ считается великимъ грѣхомъ убивать розоваго скворца. Самъ же человѣкъ ничего не въ силахъ подѣлать съ этими тучами саранчи.

У саранчи есть еще одинъ любопытный врагъ и преслѣдователь, который и для человѣка не совсѣмъ-то пріятенъ. Этотъ маленькій истребитель саранчи называется *фалангою*. Фаланга по виду походитъ на большого паука; ея

Рис. 10. Драка фаланги со скорпіономъ.

тѣло, т. е. голова и брюшко, величиною почти въ вершокъ, а длинныя ноги, если ихъ расправить, пожалуй не умѣстятся на ладони. На видъ она непріятная, страшная, вся покрыта длинными жесткими волосами. Ея ротъ состоитъ изъ четырехъ сильныхъ крючковъ, которыми она легко прокусываетъ кожу человѣка. Укушеніе фланги въ высшей степени болѣзненное, мучительное; часто уку-

шенный ею человѣкъ кричитъ отъ боли. Эта боль происходитъ не отъ того, что фаланга дѣлаетъ большую и глубокую рану, а оттого, что при укусѣ она впускаетъ въ рану свой ядъ. Бываютъ иногда случаи, что укушенные фалангою даже умираютъ отъ этого яда. Укушенный всегда долго хвораетъ, недѣли двѣ и только потомъ начинаетъ понемногу оправляться. Поэтому не удивительно, что въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ водится фаланга, ее считютъ самою страшною гадиною, боятся ее хуже чѣмъ ядовитой змѣи. Фаланга любитъ жить въ пустынныхъ, песчаныхъ или степныхъ мѣстахъ. Она проворно бѣгаетъ по землѣ и нападаетъ на разныхъ мелкихъ животныхъ—кузнечиковъ, скорпіоновъ. Особенно охотно она селится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ разводится саранча, которая служитъ ей любимою пи-

щею. Такимъ образомъ фаланга служитъ и другомъ и врагомъ человѣку; она его другъ, потому что истребляетъ зловредную саранчу, и врагъ — потому что грозитъ человѣку своимъ страшнымъ укушеніемъ.

Затѣмъ по всей Сахарѣ встрѣчается еще другое маленькое, но страшное для человѣка существо — *скорпіонъ*. Его люди боятся не меньше, чѣмъ фаланга, только больше къ

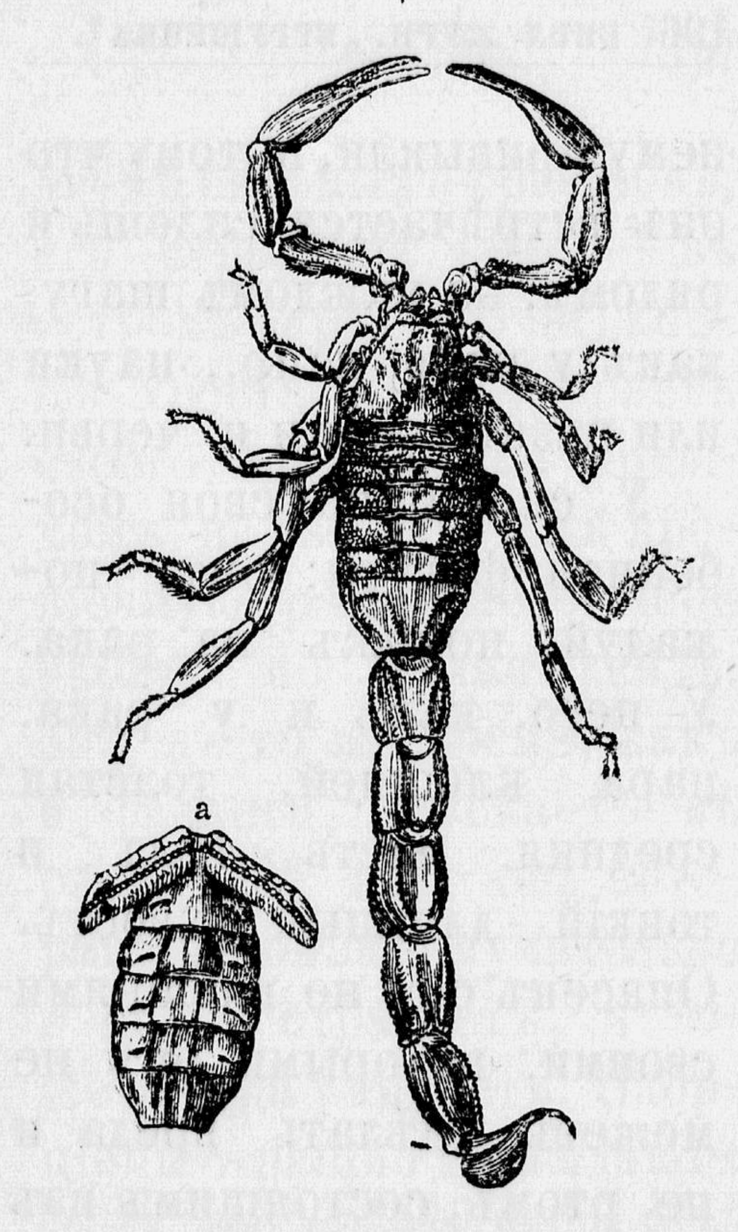

Рис. 11. Скорпіонъ.

нему привыкли, потому что онъ встрѣчается сплошь и рядомъ, на каждомъ шагу, какъ у насъ, напр., пауки или разные жуки и черви.

У скорпіона своя особенная фигура; онъ, пожалуй, похожъ на рака. У него, какъ и у рака, пара клешней, толстая средняя часть тѣла и тонкій длинный хвостъ. Опасенъ онъ не клешнями своими, которыми онъ не можетъ сдѣлать вреда и не ртомъ, состоящимъ изъ

двухъ сильныхъ крючковъ; его страшная сила — въ остромъ крючкѣ на концѣ хвоста. Онъ ударяетъ своего врага этимъ крючкомъ и дѣлаетъ имъ крошечную рану, небольшой уколъ; но дѣлая уколъ, онъ въ то же время, какъ и фаланга, впускаетъ въ рану свой ядъ, отъ котораго человѣкъ мучительно и долго страдаетъ, и тоже иногда умираетъ. Скорпіоны страшно досаждаютъ тѣмъ, что любятъ забирать-

ся въ разные темные уголки въ жилищѣ человѣка — въ ящики, въ складки одежды, въ обувь. Все это надо постоянно осматривать, встряхивать, а иначе легко можетъ случиться, что, напр., человѣкъ надѣваетъ туфлю, а туда забился скорпіонъ, который можетъ нанести вредъ. Въ пустынѣ онъ опасенъ во время ночевокъ; въ это время разводятъ обыкновенно огонь, зажигаютъ костры, и скор-

піоны ползутъ на огонь цѣлыми толпами, и надо непремѣнно ихъ всѣхъ убить, иначе невозможно будетъ спать спокойно.

Очень часто встрѣчается тоже въ пустынѣ змѣя гадюка. Она водится и у насъ въ Россіи почти повсюду, такъ что многіе изъ васъ, быть можетъ, видали ее. Гадюка кусаетъ своими двумя острыми крючковатыми зубами и впускаетъ въ укушенное

мѣсто ядъ. А ея ядъ очень опасенъ; считаютъ такъ, что изъ пяти укушенныхъ ею одинъ навѣрное умираетъ. А въ Сахарѣ водятся особыя, еще болѣе ядовитыя породы этой же змѣи.

По всей Сахарѣ встрѣчаются еще муравьи. Мы тоже знаемъ муравьевъ; у насъ они живутъ и въ садахъ и въ домахъ и въ лѣсахъ, но никогда не причиняютъ столько вреда, какъ въ жар-

Рис. 12. Гадюка, которая водится въ Россіи.

кихъ странахъ. Въ Африкѣ, напр., почти повсюду встрѣчается очень крупная порода муравьевъ, которые называются термитами. Наши муравьи кладутъ рыхлыя кучи, а термиты строятъ огромныя башни, аршина по четыре въ вышину съ очень извилистыми ходами внутри. Стѣны этихъ кучъ, похожи на толстыя сахарныя головы, такъ плотно слѣплены, что ихъ можно разрушить только

Рис. 13. Гадюка африканская.

ударами желѣзной лопаты или топора. Эти термиты неутомимые грызуны; они точатъ своими крѣпчайшими зубами-крючками все, что только имъ попадется. Они изгрызаютъ одежду, мебель, стѣны и крыши домовъ. Случается, что цѣлая постройка валится и разсыпается въ труху, потому что термиты давно уже источили внутренность всѣхъ бревенъ, изъ которыхъ она сложена. Термиты очень

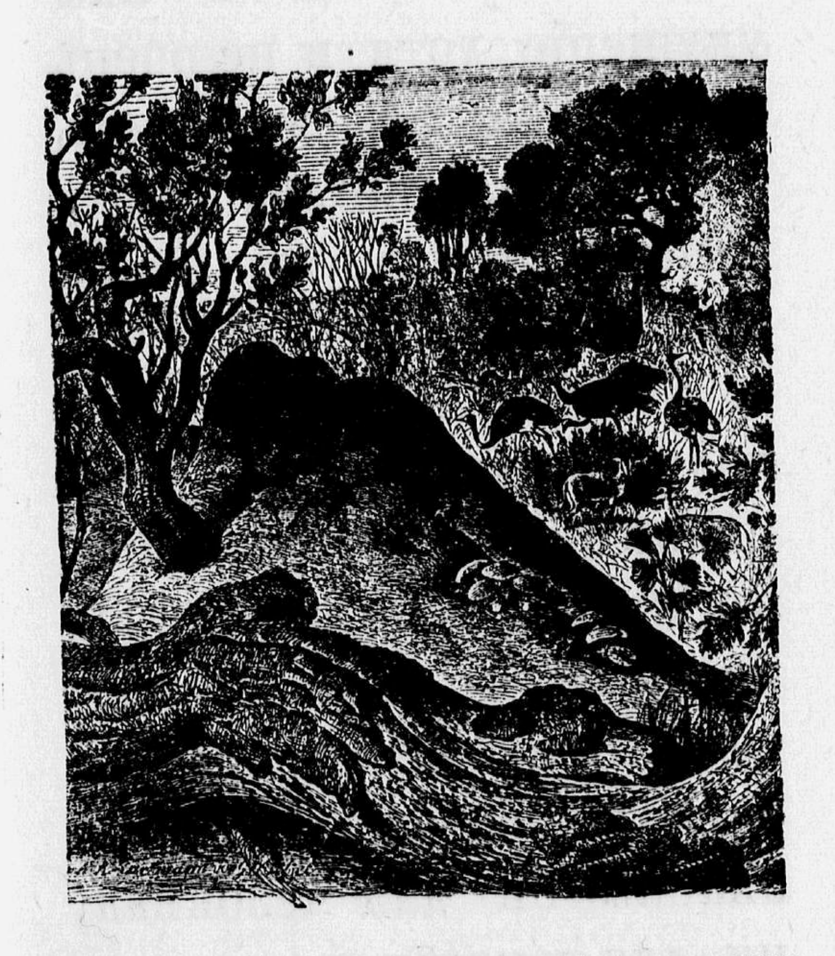

Рис. 14. Куча построенная африканскими муравьями.

больно кусаются и ихъ укушеніе хотя и не очень опасно, но все же очень непріятно, и потому африканскіе жители очень ихъ боятся.

Упомянемъ еще, для полноты картины, о ящерицахъ. Онѣ шмыгаютъ въ пустынѣ по всѣмъ направленіямъ. Между ними нѣтъ ни вредныхъ, ни ядовитыхъ, вообще онѣ не опасны ни для человѣка, ни для домашнихъ животныхъ; но арабы почему-

то боятся и ужасно не любятъ ихъ, хотя между ними попадаются очень хорошенькіе — пестрые, яркіе, проворные, такъ что на нихъ пріятно полюбоваться среди однообразной и скучной пустыни.

Вообще природа въ Африкѣ не поскупилась по части разныхъ вредныхъ для человѣка животныхъ; она создала ихъ множество. Такъ, напр., въ полуденной части Аф-

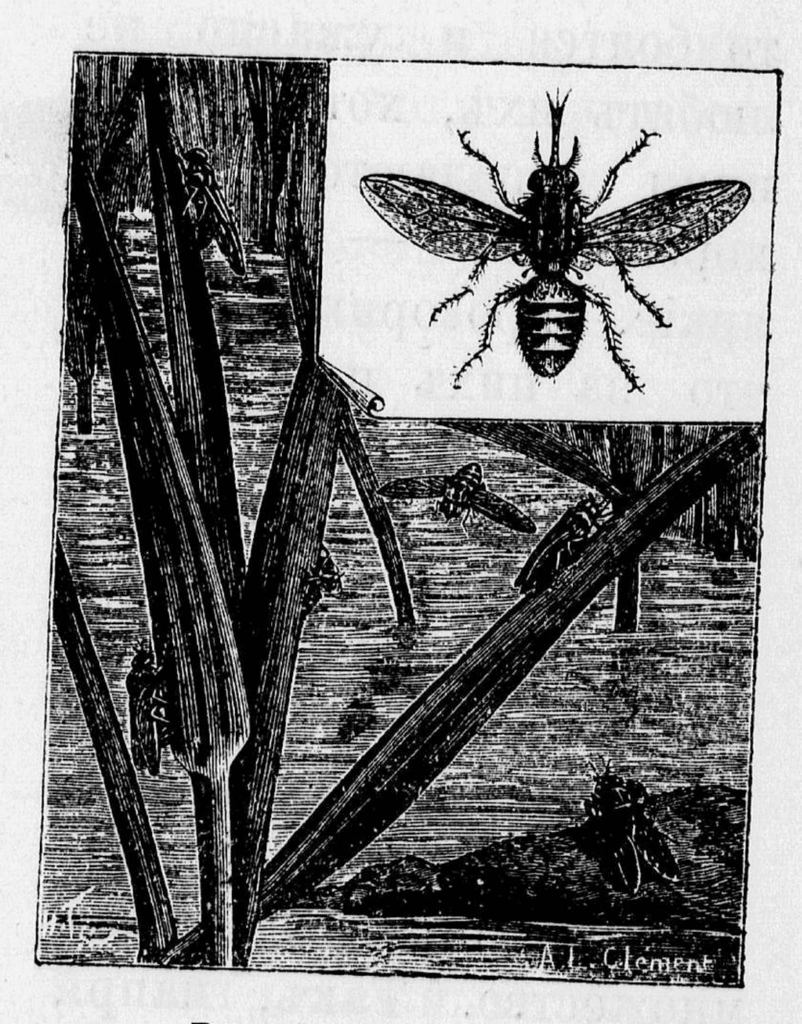

Рис. 15. Муха цеце.

рики, въ огромной степи Калагари, которая во многихъ частяхъ напоминаетъ Сахару, водится небольшая муха цеце, изъ-за которой тамъ нельзя жить человѣку. Эта муха похожа на нашу простую муху, ту самую, что такъ надоѣдаетъ намъ лѣтомъ въ комнатахъ. Она только кусается побольнѣе нашей. Человѣку ея укусы не причиняютъ ни особой боли, ни болѣзни; цеце для него безвредна. Но домаш-

ній скотъ—лошади, коровы, собаки, ослы—всѣ гибнутъ отъ нея; животное, которое будетъ укушено мухою цеце, уже навѣрное будетъ обречено на смерть. Такимъ образомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта муха водится, человѣку невозможно жить, потому что она погубитъ у него весь скотъ, а безъ скота обойтись нельзя.

ГЛАВА V.

Грозныя явленія природы въ пустынѣ—вихри, знойный вѣтеръ Самумъ, миражи.

Мы разсказали о видѣ пустыни, о ея климатѣ, о ея обитателяхъ — людяхъ, животныхъ и насѣкомыхъ. Разскажемъ теперь о тѣхъ удивительныхъ вещахъ, которыя тамъ происходятъ, именно о песчаныхъ вихряхъ, страшномъ горячемъ вѣтрѣ, о видѣніяхъ; все это

*

приходится видѣть и испытывать почти всѣмъ путешествующимъ черезъ пустыню, и каждый человѣкъ, все это испытавшій, навѣрное никогда во всю свою жизнь не забудетъ этого.

Вамъ, вѣроятно, случалось видѣть вихри. Случается во время вѣтра, лѣтомъ, что пыль поднимается въ одномъ мѣстѣ столбомъ, высоко надъ землею и, очень быстро вертясь, несется нѣкото-

рое время впередъ, пока не разсѣется. Но у насъ такой вихрь самое большое, это засоритъ человѣку глаза пылью. Совсѣмъ иное бываетъ въ Сахарѣ. Тамъ эти столбы изъ песка поднимаются чрезвычайно высоко, до самаго неба, какъ кажется необразованному арабу; они занимаютъ огромное пространство и мчатся впередъ, безпрерывно крутясь. Солнце рѣзко освѣщаетъ эти подвиж-

ные, страшные столбы песку; они кажутся то безцвѣтными, то желтыми, то черными. Вѣтеръ наноситъ ихъ иногда одинъ на другой и они тогда сливаются въ одинъ столбъ, или же, наоборотъ, одинъ большой столбъ раздѣлится на двое.

Эти вихри страшно опасны для путешественника. Если подобный песчаный столбъ налетитъ на него, ему грозитъ смерть и онъ нерѣдко

гибнетъ. Дѣло въ томъ, что въ этомъ столбѣ крутится громаднѣйшее количество раскаленнаго песка пустыни, и налетѣвъ на человѣка, онъ засыплетъ его всего, нанесетъ надъ нимъ такой громадный холмъ, что онъ изъ-подъ него не выберется живымъ. Бывали случаи, что налетѣвшій вихрь засыпалъ и хоронилъ подъ грудами песка цѣлые караваны съ верблюдами, людьми и всѣми товара-

ми. Если же эта опасность и минуетъ благополучно, то-есть, если всѣ вихри, всѣ эти живые столбы изъ песку пройдутъ, по счастью мимо, то все-таки опасность далеко еще не вся миновала, потому что рѣдко случается, чтобы послѣ вихрей караванъ не попалъ въ горячій вѣтеръ.

Арабы называютъ этотъ вѣтеръ — *самумъ*. У него всегда есть свои предвѣстники, по которымъ

опытные жители пустыни судятъ о его приближеніи, даже иногда за день, за два. Воздухъ передъ тѣмъ становится какъ-то особенно удушливъ, тяжелъ. Небо дѣлается нечистымъ, непрозрачнымъ, его словно подергиваетъ какой-то туманъ. Становится страшно, мертвенно тихо, не слышится не только ни малѣйшаго дуновенія вѣтра, а просто даже никакого движенія въ воздухѣ. Люди ужас-

но страдаютъ отъ жажды, которую ничѣмъ невозможно утолить; дикія животныя пустыни, газели проявляютъ явный страхъ, верблюды становятся особенно упрямы, жмутся другъ къ другу, то и дѣло ложатся на землю либо останавливаются и ихъ надо усиленно понукать, чтобы поднять и двинуть съ мѣста. Между тѣмъ туманъ съ высоты небесъ понемногу опускается къ землѣ, ма-

ло-по-малу и весь воздухъ становится тусклымъ, словно наполняется какою-то пылью. Солнце кажется сквозь эту копоть блѣднымъ и расплывчатымъ, начинается замѣтная темнота. По ночамъ не настаетъ обычной въ Сахарѣ прохлады; ночь стоитъ удушливая, люди не въ состояніи спать въ такую ночь; опытные вожаки каравановъ не останавливаются на ночлегъ, а напротивъ,

спѣшатъ впередъ, стараясь скорѣе добраться до оазиса или вообще до населеннаго мѣста, гдѣ есть вода. Всѣ эти зловѣщіе признаки—духота, туманъ все болѣе и болѣе усиливаются до самаго налета вѣтра.

Самумъ начинается чаще всего въ полдень. Въ это время обыкновенно солнце совсѣмъ уже скрывается за туманомъ, его не видно; кругомъ стоятъ какъ будто какія-то мрач-

ныя сумерки, нѣтъ возможности разсмотрѣть близкихъ предметовъ. И вотъ вдругъ совершенно неподвижный воздухъ какъ будто слегка всколыхнется, передвинется и отъ этого одного легкаго колыханія жара вдругъ усиливается до того, что ее едва можно переносить; чувствуется, какъ будто отворили какую-то громадную печь и изъ нея дохнуло жаромъ. Этотъ сухой жаръ сразу прони-

зываетъ человѣка, какъ говорится, до костей, онъ отнимаетъ силы, отъ него болитъ голова. Послѣ короткаго затишья наплываетъ новая волна горячаго воздуха, посильнѣе; и вдругъ, вслѣдъ затѣмъ вѣтеръ зашумитъ вдали и, неся тучу песчаной пыли, налетитъ страшнымъ, горячимъ порывомъ.

Какъ только налетитъ первый такой порывъ вѣтра, путники тотчасъ останавливаются. Дальше идти

нѣтъ возможности; у людей пропадаютъ послѣднія силы, они не могутъ двинуться, а верблюды ложатся на землю и тутъ ихъ уже не поднять никакими ударами, да и некому ихъ бить, потому что у людей у самихъ руки виснутъ отъ безсилія. Привычные верблюды очень хорошо знаютъ, какая бѣда налетаетъ на нихъ; опустившись на землю они прижимаются къ ней, вытягиваютъ шеи, закрываютъ

глаза и стараются зарыть морды въ песокъ, словно укрываясь отъ набѣгающаго песчанаго вихря. Погонщики, собирая послѣднія силы, сваливаютъ съ верблюдовъ вьюки, кладутъ ихъ въ кучу и стараются зарыть въ эту кучу какъ можно глубже посуду съ запасами воды; воду возятъ съ караванами обыкновенно въ большихъ мѣшкахъ изъ толстой кожи. Укрывъ по возможности воду такъ, чтобы она не испарилась

отъ горячаго вѣтра, люди сами плотно закутываются въ одежду и укладываются тутъ же вмѣстѣ съ тюками и верблюдами въ общую кучу. Все это надо сдѣлать, конечно, какъ можно проворнѣе, потому что буря уже налетаетъ и не будетъ ждать, пока люди приготовятся ее встрѣтить.

Между тѣмъ порывы и налеты горячаго вѣтра становятся все чаще, все сильнѣе, все горячѣе и

наконецъ превращаются въ непрерывный сокрушающій токъ, въ бурю, которая наполняетъ всю пустыню своимъ страшнымъ ревомъ и свистомъ. Люди не даромъ такъ старательно укрываются отъ этого вѣтра; надо, чтобы онъ нигдѣ не попалъ на голое тѣло. Тѣ, кому случалось, по оплошности, закрыться не совсѣмъ плотно, кому горячій песокъ, приносимый самумомъ, попадалъ на руку или на щеку,

увѣряютъ, что этотъ песокъ жжется буквально какъ горячій уголь. А между тѣмъ, несчастнымъ путникамъ, захваченнымъ самумомъ, и безъ того невыносимо тяжко. Воздухъ становится до такой степени жгучій, горячій, что его можно безъ всякаго преувеличенія сравнить съ печнымъ жаромъ. У насъ въ баняхъ многіе любятъ париться, т. е. забираются на полокъ и тамъ еще хлопаютъ себя вѣникомъ;

*

прикосновеніе этого вѣника при страшной жарѣ, какая стоитъ на вышинѣ полка, до такой степени горячо, даже болѣзненно, что его выносятъ только немногіе любители. Но банный жаръ еще можно перенести, потому что весь воздухъ бани насыщенъ паромъ. Въ пустынѣ же во время самума жара стоитъ еще сильнѣе, чѣмъ въ банѣ на полкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ воздухъ такъ сухъ, что отъ него часто высыхаетъ вся

до капли вода, захваченная караваномъ въ кожаныхъ мѣшкахъ. Отъ этого сухого, горячаго воздуха кожа человѣка начинаетъ трескаться и изъ трещинъ, особенно на губахъ, на языкѣ, въ носу, начинаетъ сочиться кровь; если въ эти трещины попадетъ горячій песокъ, то человѣкъ кричитъ отъ жгучей боли.

Рѣдко бываетъ, чтобы самумъ прошелъ, меньше какъ черезъ два часа. Если онъ тянется не

дольше этого времени, то люди и животныя часто выдерживаютъ его благополучно. Когда вѣтеръ понемногу стихнетъ и песокъ осядетъ изъ успокоеннаго воздуха, люди начинаютъ одинъ за другимъ подниматься на ноги. Они окликаютъ другъ друга, бросаются къ мѣхамъ съ водою, посмотрѣть цѣлы ли они, не ушла ли изъ нихъ вода, цѣлы ли верблюды. Если окажется, что всѣ живы, что вода

еще осталась, всѣ радуются этому, какъ чуду, какъ неожиданному спасенію отъ явной гибели. Караванъ вновь снаряжается и продолжаетъ свой путь; теперь всѣмъ становится легко и радостно на душѣ. Послѣ страшнаго удушливаго самума уже всякій зной кажется пріятною прохладою; притомъ же послѣ бури воздухъ и въ самомъ дѣлѣ сильно очищается, освѣжается, какъ у насъ послѣ грозы.

Но бѣда, если самумъ затянется надолго, на нѣсколько часовъ, на цѣлый день. Тогда ни люди, ни животныя бываютъ не въ силахъ выдержать этой пытки и гибнутъ одинъ за другимъ. Иной разъ половина людей и верблюдовъ уже не встаютъ съ земли, когда буря окончится; они лежатъ мертвые и ихъ приходится бросить тутъ же въ пустынѣ; въ ту же ночь шакалы и гіены съѣдятъ

ихъ трупы, либо, если ихъ не найдутъ эти хищники, тѣла ихъ истлѣютъ отъ солнца, и скоро только голыя кости будутъ напоминать о ихъ гибели. Бывали, хотя и не часто, такіе случаи, когда отъ самума погибалъ весь караванъ—всѣ люди и животныя. Это вполнѣ возможно на длинныхъ переходахъ, когда отъ одного становища до другого надо итти четыре, пять дней, а иногда и дольше.

Въ этихъ случаяхъ караванъ старается запасти какъ можно больше воды; но вотъ среди этого перехода вдругъ налетаетъ самумъ и бушуетъ цѣлый день. Вся вода, какая была въ запасѣ испаряется отъ горячаго вѣтра, мѣхи оказываются послѣ него пустыми. А между тѣмъ до ближайшей воды остается еще два три дня пути. Конечно, трехъ дней безъ воды въ пустынѣ не сможетъ выдержать никакой человѣкъ, да еще особенно послѣ того, какъ его изнурилъ и измучилъ самумъ. Въ этомъ случаѣ, конечно, весь караванъ обреченъ на гибель и его не спасетъ ничто въ мірѣ. Чрезвычайно страненъ бываетъ иногда видъ этихъ людскихъ и верблюжьихъ мертвыхъ тѣлъ, погибшихъ во время самума. Вѣтеръ губитъ и самъ же хоронитъ ихъ, тутъ же на мѣстѣ; онъ наноситъ на нихъ кучи песку, и они

лежатъ подъ этими кучами, словно подъ могильными насыпями. Песокъ, который покрываетъ ихъ такъ горячъ и такъ сухъ, что онъ дѣйствуетъ на трупы, какъ горячій утюгъ на мокрое бѣлье; онъ сушитъ эти трупы, высасываетъ изъ нихъ всю влажность, и изъ нихъ выходитъ нѣчто, напоминающее нашу сушеную или вяленую рыбу. Такъ эти страшные сухіе трупы и лежатъ долгое время въ пустынѣ,

пока зной окончательно не высушитъ ихъ, такъ что они начнутъ разсыпаться въ труху, въ порошокъ; тогда вѣтеръ подхватываетъ эту труху и разноситъ ее по пустынѣ, и отъ тѣла остаются голыя кости.

Страшный зной и сухость воздуха вызываютъ въ пустынѣ еще другое, чудное и вмѣстѣ съ тѣмъ страшное явленіе—*миражи* или видѣнія. Эти видѣнія появляются во мно-

гихъ мѣстахъ; случается ихъ видѣть и у насъ въ Россіи въ большихъ степяхъ, бываютъ они на моряхъ; у насъ ихъ называютъ *маревомъ*. Объяснить вамъ, отчего происходитъ миражъ, будетъ трудно, для этого надо много знать такого, что вы узнаете только тогда, когда будете учиться. А теперь мы можемъ только разсказать, что такое миражъ, въ чемъ онъ состоитъ. Въ пустынѣ ми-

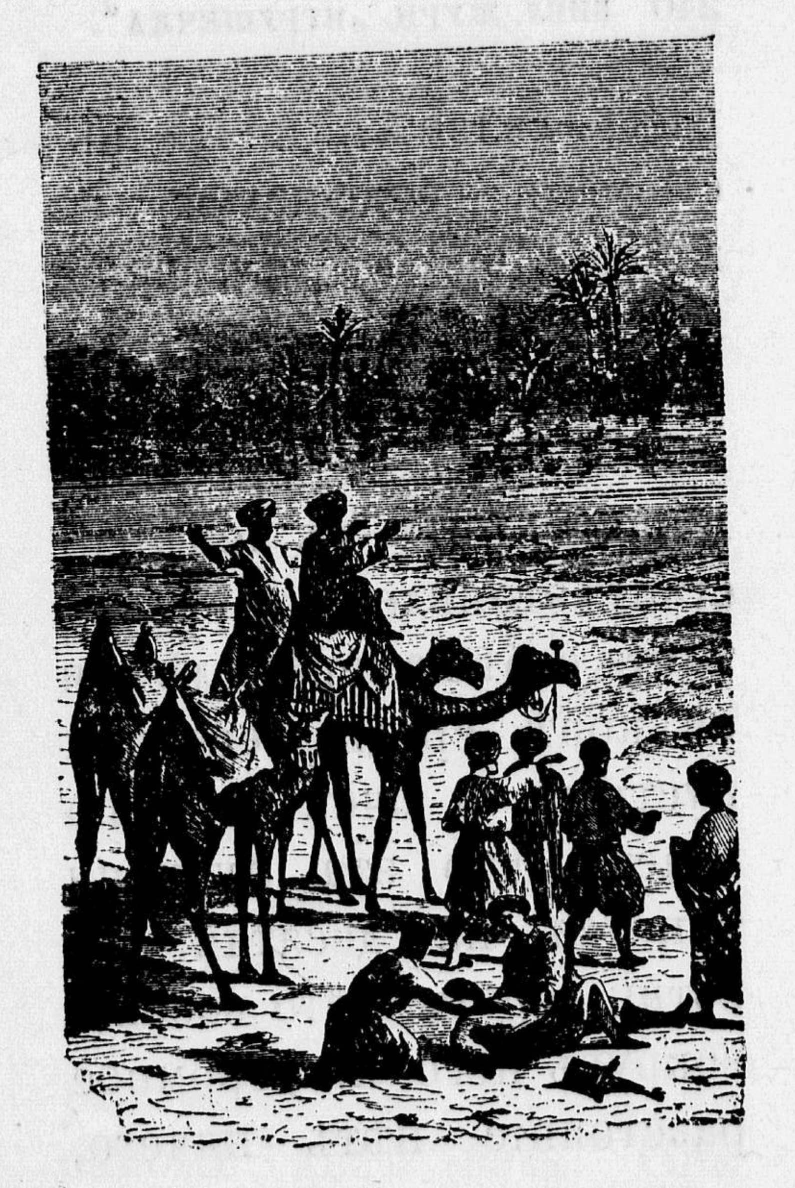

Рис. 16. Миражъ въ пустынѣ.

ражъ является почти постоянно, ежедневно въ жаркое время дня, чаще всего около полудня. Арабы очень хорошо его знаютъ и называютъ его чертовымъ моремъ. Вотъ въ чемъ состоитъ это явленіе. Путникъ ѣдетъ себѣ на верблюдѣ или на конѣ среди песчаной пустыни, и очень хорошо знаетъ, что эта пустыня тянется на десятки, на сотни верстъ и что вообще вокругъ него на огромное разстояніе нѣтъ ничего,

кромѣ песка да камня. И вотъ вдругъ вмѣсто этой песчаной равнины онъ видитъ передъ собою въ недальнемъ разстояніи, всего лишь за двѣ за три версты—воду, цѣлое море воды! Правда, эта вода какая-то особенная, сѣрая, мутная; но что это вода, настоящая вода, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; путникъ, незнакомый съ мѣстностью, остается въ полной увѣренности, что это и въ самомъ дѣлѣ вода. Она

переливается, волнуется, сверкаетъ на солнцѣ, въ ней видны отраженія отдаленныхъ предметовъ — горъ, деревьевъ, перевернутыхъ верхомъ внизъ, какъ и во всякой водѣ. Часто въ ней появляется отраженіе цѣлыхъ пальмовыхъ лѣсовъ, роскошныхъ оазисовъ, людей, коней, каравановъ, даже цѣлыхъ большихъ городовъ. Всякій, кто видитъ это передъ собою невольно соображаетъ, что коли

виденъ въ водѣ отраженный городъ, то стало быть и самый городъ долженъ же быть гдѣ-нибудь тутъ, иначе откуда же возьмется его отраженіе въ водѣ!

Въ благополучное время, то-есть, когда караванъ идетъ спокойно, всѣ люди здоровы, сыты, вода взята съ собой въ достаточномъ количествѣ, миражъ нисколько не безпокоитъ жителя пустыни; онъ очень хорошо знаетъ, что онъ идетъ по открытой

*

пустынѣ, что вблизи нѣтъ никакой воды, никакихъ лѣсовъ, городовъ; онъ знаетъ, что все это ему только такъ кажется, что это не дѣйствительность, а видѣніе. Онъ называетъ это видѣніе Чортовымъ моремъ, потому что ему, необразованному, дикому сыну пустыни, думается, что всѣ эти заманчивыя видѣнія нарочно ставитъ передъ путникомъ злой духъ, чортъ, для того, чтобы подразнить чело-

вѣка, заманить его тѣмъ, что ему особенно дорого въ ту минуту, водою, тѣнистыми деревьями, покоемъ, прохладою, отдыхомъ.

Но другое дѣло, когда миражъ является послѣ самума; въ это время онъ служитъ только къ усиленію мукъ изнуреннаго путника. Человѣкъ послѣ самума какъ бы одурманивается, разстраивается въ своемъ умѣ и сужденіи. Онъ теряетъ способность

различать дѣйствительное отъ видимаго, отъ воображаемаго. Ему можетъ показаться, почудиться то, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ; вотъ тутъ-то онъ и принимаетъ коварный миражъ за сущую правду, за живое, за что-то на самомъ дѣлѣ появившееся передъ нимъ. Въ такой странный обманъ часто впадаютъ самые опытные старожилы пустыни, которыхъ въ другое время миражъ ни за что бы не обманулъ.

Но у нихъ послѣ самума голова не въ порядкѣ и они не въ силахъ здраво и вѣрно судить. Въ такія минуты миражъ тянетъ, влечетъ къ себѣ несчастнаго, изстрадавшагося путника. Ему кажется, что передъ нимъ настоящая вода, настоящій лѣсъ или городъ, и ему, измученному зноемъ и жаждою, неудержимо хочется поскорѣе добраться до этого чуднаго уголка, гдѣ его ждетъ тѣнь, прохлада,

свѣжая вода. Онъ бьетъ и понукаетъ своего верблюда, онъ изъ послѣднихъ силъ мчится къ этому чудному мѣсту. И только тогда, наконецъ, сознаетъ свою ошибку, когда увидитъ, что чѣмъ дальше онъ ѣдетъ, тѣмъ дальше отъ него отступаетъ и соблазняющая его картина. Вдобавокъ, эта картина начинаетъ самымъ неожиданнымъ образомъ мѣняться; сейчасъ человѣкъ видѣлъ передъ собою, по-

ложимъ, лѣсъ, а черезъ минуту на мѣстѣ лѣса оказывается вода и гора, и, въ свою очередь, гора или вода исчезнетъ, а на ихъ мѣсто появится корабль съ парусами или городъ. Можно представить себѣ мученія измореннаго путника, когда онъ, наконецъ, убѣждается въ томъ, что собственный глазъ все время обманывалъ его, что передъ нимъ все та же безконечная, голая пустыня!

ГЛАВА VI.

Движеніе каравановъ по пустынѣ.—Пирамиды въ Египтѣ на границѣ пустыни.

Намъ остается теперь еще разсказать о караванахъ, которые безпрестанно тянутся по пустынѣ по всѣмъ направленіямъ. Караваномъ называется цѣлое стадо верблюдовъ, часто очень многочисленное, на которыхъ наваливаютъ, и навьючиваютъ тюки

съ товарами для перевозки ихъ черезъ пустыню. Обыкновенно къ караванамъ присоединяются еще и простые путешественники, не купцы, которымъ надо перебраться черезъ пустыню изъ одной мѣстности въ другую. Ѣхать по пустынѣ одному очень опасно и потому всякій, кому надо, старается пристроиться къ какому нибудь каравану; въ караванѣ не такъ страшны дикіе звѣри и разбойники.

Они и теперь еще попадаются въ пустынѣ и грабятъ путешественниковъ, а прежде ихъ боялись не меньше самума и песчаныхъ вихрей.

Караванъ собирается къ назначенному дню на условленномъ мѣстѣ; сюда доставляютъ всю кладь, всѣ тюки, ящики и пачки товаровъ. Погонщики верблюдовъ разбираютъ эти тюки по вѣсу и соображаютъ, сколько и какихъ тюковъ можно положить

Рус. 17 Африканскій караванъ.

на одного верблюда. Картина сборовъ каравана вообще чрезвычайно шумная и оживленная. Погонщики кричатъ, спорятъ изъ-за груза; каждый выгадываетъ, чтобы на его верблюда наложили поменьше груза. Верблюды, которыхъ приводятъ къ мѣсту навьючки тоже начинаютъ кричать не тише своихъ погонщиковъ. Каждый верблюжій грузъ состоитъ изъ двухъ частей, связанныхъ крѣпкою ве-

ревкою изъ пальмоваго волокна; его кладутъ на верблюда такъ, чтобы одна половина груза была по одну сторону горба, другая по другую, такъ что грузъ или вьюкъ свѣшивается со спины на оба бока верблюда.

Когда все разобрано, все готово, всѣ споры разрѣшены и улажены, погонщики ловятъ своихъ верблюдовъ и ведутъ ихъ къ мѣсту нагрузки. Животныя словно предчув-

ствуютъ, что имъ грозитъ пребезпокойное, утомительное и долгое путешествіе, упрямятся, упираются, ревутъ. Ихъ, наконецъ, подводятъ къ тюкамъ, заставляютъ лечь и тогда взваливаютъ имъ на спину тюки и затѣмъ крѣпко перевязываютъ ихъ веревками. Иныхъ упрямыхъ верблюдовъ погонщики ловко схватываютъ руками за морды и сжимаютъ имъ ноздри, такъ что они не могутъ дышать;

это ловкое движеніе сламываетъ упрямство животнаго, оно на минуту утихаетъ, а тѣмъ временемъ другіе погонщики ужъ успѣваютъ его навьючить.

Трудно навьючить верблюда кладью, а еще труднѣе сѣсть на него всаднику. Надо ловко и сразу вскочить на него и умѣть удержаться, когда онъ быстро поднимается съ земли, сразу разгибая сначала заднія, потомъ

переднія ноги. При этомъ всаднику приходится выдержать два страшныхъ толчка, двѣ встряски, сначала впередъ, потомъ назадъ; непривычный человѣкъ непремѣнно при этомъ свернется съ верблюда и полетитъ на землю. Но вотъ, наконецъ, все готово. Вожакъ каравана, обыкновенно пожилой, опытный арабъ, коренной житель пустыни, знающій всю предстоящую дорогу какъ свои

пять пальцевъ, выступаетъ впередъ, становится во главѣ каравана и трогается въ путь. За нимъ одинъ по одному, гуськомъ выступаютъ навьюченные верблюды. Караванъ идетъ ровнымъ медленнымъ шагомъ, версты по четыре въ часъ. Дома, хижины, деревья, вообще всѣ признаки жилья мало-по-малу скрываются позади, и караванъ вступаетъ, наконецъ, въ безлюдную, безконечную пустыню, по

*

которой ему надо итти иногда нѣсколько дней, даже недѣль.

Вожакъ каравана превосходно, до мелочей знаетъ весь путь, всѣ примѣты дороги. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оазисы попадаются не особенно рѣдко, гдѣ они отстоятъ одинъ отъ другого на 40 — 50 верстъ, легко руководиться ими въ дорогѣ. Высокія пальмы оазисовъ въ прозрачномъ воздухѣ пустыни видны

издалека, верстъ за десять, даже за пятнадцать. Особенно легко умѣетъ ихъ различать зоркій, привычный глазъ коренного жителя пустыни. Тамъ же, гдѣ оазисы рѣдки, тамъ караванъ часто узнаетъ путь по костямъ верблюдовъ. Рѣдкое путешествіе, особенно большого каравана обходится безъ того, чтобы дорогою не палъ хоть одинъ верблюдъ. Его кости остаются на дорогѣ и служатъ потомъ словно

верстовыми столбами для каравановъ.

Обычно караваны выступаютъ въ путь тотчасъ послѣ восхода солнца и идутъ до заката; ночью нѣтъ возможности двигаться по пустынѣ, потому что очень трудно различать дорогу среди совершенной тьмы.

Среди пустыни жара и духота скоро даютъ о себѣ знать. Начинается мучительная жажда; люди то и дѣло глотаютъ воду, но

жажда почти тотчасъ появляется вновь. Безъ воды въ пустынѣ, въ эту жару, пробыть даже одинъ часъ чистая пытка; лишиться же вовсе воды — страшная опасность, угрожающая смертью. По этому при снаряженіи каравана обращается особое вниманіе на запасъ воды. Ее берутъ по большому мѣшку на каждаго верблюда. Вода въ мѣшкахъ страшно согрѣвается, пропитывается скернымъ, тухлымъ

запахомъ кожи. Отъ нея непривычнаго человѣка тошнитъ и даже рветъ. Но дѣлать нечего, другой воды не откуда взять среди пустыни. Другого ничего нельзя пить; вино, напр., только усиливаетъ жажду, чай или кофе можно сварить только на стоянкѣ. Напитковъ, вродѣ нашего кваса или лимонада въ пустынѣ не дѣлаютъ. Такъ идетъ караванъ безостановочно съ восхода солнца до полудня; тогда дѣлается

остановка, привалъ, люди слѣзаютъ съ верблюдовъ, дѣлаютъ навѣсы изъ полотнищъ, натянутыхъ на воткнутые въ землю колья, и отдыхаютъ въ ихъ тѣни. Вторая остановка дѣлается уже послѣ заката солнца на всю ночь. Если въ караванѣ много всадниковъ, то онъ дѣлится на двѣ части; всадники опережаютъ вьючный караванъ и уходятъ далеко; затѣмъ пока они полдничаютъ на отдыхѣ, вьючный караванъ

успѣваетъ ихъ догнать и уйти впередъ, а они его потомъ опять догоняютъ.

Ночевать останавливаются, по возможности, на знакомомъ вожаку мѣстѣ, гдѣ растутъ мимозы или гдѣ вообще можно добыть что-нибудь, какое нибудь дерево, чтобы развести на ночь костеръ. Верблюдовъ развьючиваютъ; тюки кладутъ въ кучу, а верблюды ложатся вокругъ нихъ. Наступаетъ прохладная, часто даже

холодноватая ночь, которая позволяетъ хоть немного отдохнуть, оправиться отъ страшнаго разслабленія отъ дневной жары. Съ восходомъ солнца всѣ снова поднимаются, верблюдовъ опять навьючиваютъ, караванъ идетъ дальше. Съ каждымъ днемъ путь становится тяжелѣе уже изъ-за одного того, что вода въ кожаныхъ мѣшкахъ все болѣе и болѣе портится, становится все хуже на вкусъ. Зато при-

бытіе въ оазисъ — сущій праздникъ для всего каравана и для жителей оазиса. Люди съ радостными криками привѣтствуютъ другъ друга. Утомленные путники и ихъ верблюды, разумѣется, прежде всего спѣшатъ къ источнику, къ свѣжей, чистой водѣ, которой они такъ долго не видали. Потомъ люди и верблюды подкрѣпляются свѣжею пищею — молокомъ, финиками, всѣмъ, что могутъ имъ предло-

жить гостепріимные хозяева. А жители пустыни вообще считаютъ гостепріимство одною изъ главныхъ добродѣтелей человѣка. Еще бы, оно такъ дорого для всякаго въ этой пустынѣ! Оазисы, это мѣста, гдѣ караванъ находитъ настоящій отдыхъ, полное подкрѣпленіе силъ. Здѣсь, конечно, возобновляются запасы пищи и воды на дальнѣйшій путь.

Сахара, какъ мы видѣли, настоящая пустыня

и въ ней нѣтъ никакихъ построекъ, кромѣ убогихъ хижинъ, въ которыхъ живутъ арабы въ оазисахъ. Но на самой границѣ пустыни, въ томъ мѣстѣ, гдѣ она примыкаетъ къ Египту путешественники нарочно ѣздятъ смотрѣть на громаднѣйшія, единственныя въ своемъ родѣ постройки, которыя были сдѣланы еще древними египтянами, двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ, значитъ, въ

Рис. 18. Пирамиды, гробницы древнихъ фараоновъ.

такое время, когда еще не существовало нашего русскаго царства. Эти постройки называются египетскими пирамидами. О наружномъ видѣ пирамидъ вы можете судить по нашему рисунку. Это четырехъугольныя каменныя кучи, бока которыхъ все съуживаются кверху и кончаются остріемъ. Въ Египтѣ осталось еще нѣсколько такихъ построекъ. Ученымъ удалось узнать, что эти пи-

рамиды служили могильными памятниками для древнихъ египетскихъ царей, фараоновъ. Вы уже учили священную исторію, то и знаете, конечно, о томъ, какъ евреи попали въ Египетъ, какъ они тамъ размножились, какъ ихъ стали преслѣдовать и какъ они были выведены изъ Египта Моисеемъ. Такъ вотъ, цари этихъ самыхъ египтянъ, которые такъ жестоко преслѣдовали евреевъ,

и назывались фараонами. Каждый фараонъ еще при жизни своей заботился о томъ, чтобы заранѣе устроить себѣ роскошную могилу, гробницу, гдѣ его хоронили, когда онъ умиралъ. Гробницы - пирамиды построены изъ огромнѣйшихъ глыбъ ровно обтесаннаго камня. Этого камня не было въ самой пустынѣ, гдѣ построены пирамиды, его надо было сначала привезти на мѣсто постройки.

Такимъ образомъ, построеніе каждой пирамиды составляло огромнѣйшій трудъ, и часто ее строили все время, пока фараонъ, для котораго она назначалась, былъ живъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Еще и теперь сохранились пирамиды высотою въ шестьдесятъ и въ семьдесятъ саженъ. Вы понимаете, что такую груду камня было не такъ-то легко сложить въ правильную

постройку. Глыбы камня, изъ которыхъ складывали пирамиду, были чрезвычайно большія, тяжелыя. Ихъ клали уступами, такъ, что каждый бокъ пирамиды выходилъ вродѣ громадной лѣстницы. Благодаря этимъ уступамъ можно взбираться по пирамидѣ отъ ея подошвы до самаго верха и, взобравшись на вершину, полюбоваться на широкую долину Нила, громаднѣйшей рѣки, которая протекаетъ

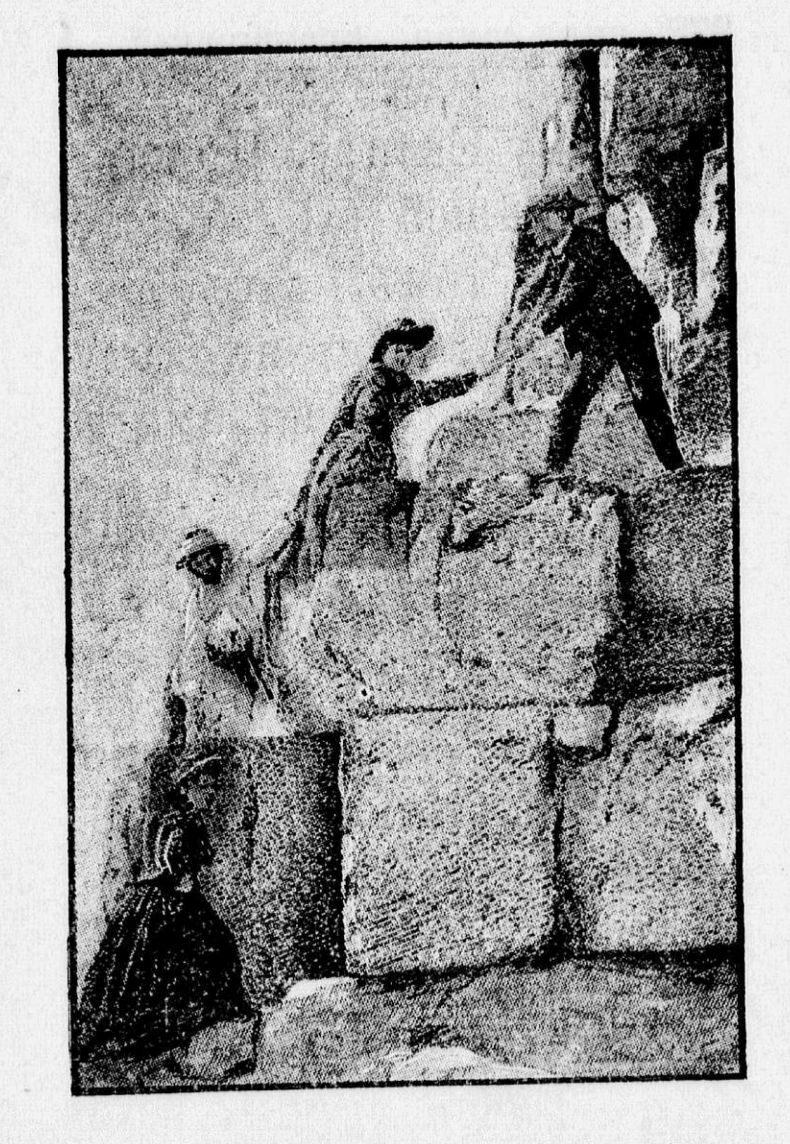

Рис. 19. Путешественники, взбирающіеся по уступамъ пирамиды на ея вершину.

по всему Египту. По картинкѣ нашей вы можете судить о томъ, какъ люди взбираются на эту высоту. Около пирамидъ иногда встрѣчаются еще другія странныя постройки древнихъ египтянъ — сфинксы, огромныя статуи львовъ съ человѣческими головами. Одна изъ такихъ сфинксовыхъ головъ представлена на картинкѣ.

Такова эта величайшая изъ пустынь нашей земли —Сахара. Въ той же Африкѣ, гдѣ находится Сахара, есть еще другая пустыня Калагари. Она значительно меньше Сахары и вообще не такъ страшна, какъ Сахара. Въ ней часто встрѣчаются обширныя мѣстности, поросшія высочайшею и густою травою и деревьями. Населеніе тамъ уже не арабское; тамъ живутъ негры—готтентоты, бушмены. Они

занимаются скотоводствомъ, разводятъ рогатый скотъ, овецъ, козъ, и питаются ихъ мясомъ и молокомъ; разводятъ и хлѣбныя растенія. Но мы не будемъ здѣсь подробно описывать эту пустыню, потому, именно, что ее надо считать скорѣе степью, нежели пустынею.

Есть еще громадная пустыня Гоби; она находится въ той же странѣ, гдѣ наша Сибирь. Но эта пустыня далеко уже не

такъ страшна, какъ Сахара. Климатъ тамъ такой же, какъ у насъ, т. е. бываетъ и лѣто, и зима, и весна, и осень. Гоби далеко не такъ безводна, какъ Сахара, въ ней встрѣчаются громадныя озера, болота, рѣки и источники, хотя правда, и тамъ есть большія пространства безъ всякой растительности, совершенно голыя, каменистыя, либо песчаныя и безводныя. Живутъ въ ней кочевые народы, разводящіе скотъ,

монголы. Лѣто тамъ никогда не бываетъ такое жаркое, какъ въ Сахарѣ, но зато зимою стоятъ ужасныя стужи и бываютъ снѣжныя вьюги, которыя для путника также страшны, какъ самумъ въ Сахарѣ. Но по Гоби не приходится дѣлать такихъ громадныхъ переходовъ, какъ по Сахарѣ; тамъ чаще встрѣчаются на пути либо города и деревни, либо становища кочевыхъ монголовъ. Для

передвиженія товаровъ и тамъ тоже служитъ верблюдъ, только не одногорбый, а двугорбый. Вообще же на всемъ свѣтѣ нѣтъ пустыни, которая бы больше, чѣмъ Сахара, заслуживала этого названія и мы поэтому ее и описали съ такою подробностью.

Содержаніе XIV тома:

